

Михаил Акимов

Фантастические
рассказы

Михаил Вячеславич Акимов

Фантастические рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8179127

ISBN 9785447400705

Аннотация

В большинстве мои рассказы можно считать фантастикой юмористической. И всё же, думаю, причисление их к жанру НФ правомерно, потому что всегда стараюсь обосновать, каким образом то или иное явление стало возможным. А юмор – он ведь возможен в любой ситуации. И уж фантастической – тем более.

Содержание

Ассинет	4
1	4
2	23
3	29
Меня ждёт Энни	33
1	33
1.1	41
1.2	46
2	49
2.1	55
3	56
Чудеса в провинции	61
Консультант	81
Летят!	91
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Михаил Акимов

Фантастические рассказы

Ассинет

1

Я в беспокойстве ёрзал на стуле, наблюдая, как начальник отдела кадров WWSS (World Wide Web Security Service) внимательно изучает мои документы. Шансов у меня было мало; точнее, их вообще не было, и я это понимал. Кадровик, пожилой лысеющий мужчина в круглых очках – такие типы, как правило, до ужаса занудливы, – продолжал смотреть мои документы. По его лицу и поведению я понял, что он уже отвлёкся от их изучения и сейчас задаст мне вопрос. Я точно знал, что это будет именно тот вопрос, которого я очень боялся, поэтому несколько не удивился, когда он спросил:

– Ну, и сколько у вас судимостей?

– Ни одной, – признался я. «Как будто ты по документам этого не видел»!

– Вот я и вижу, что ни одной, – насмешливо сказал он. – То есть, ваша квалификация хакера реально ничем не подтверждена? Выходит, вы никак не смогли себя зарекомен-

довать? Вас никогда не осуждали за кражу денег со счёта в банке; вы не повергали в панику Пентагон, взломав секретные коды защиты? Вас, в конце концов, даже не исключали на неделю из школы за то, что вы из шалости включили систему пожарной сигнализации! Тем не менее, вы подаёте заявление о приёме на работу в отдел X? Даже не Z, а X? На каком основании мы можем вас туда принять?

– Ну..., – весь сокращаясь, пробормотал я, – можете меня испытать. Дайте мне компьютер и задание – я взломаю всё!

– Молодой человек! – в его голосе зазвучал гимн Америки. – Вы сами поняли, что сейчас сказали? Вы предлагаете НАМ, одной из самых солидных служб мира, поощрить вас на криминальные действия? А для какой цели? Чтобы проверить квалификацию очередного претендента? НАМ это нужно? Ежедневно десятки таких, как вы, приходят к нам и кланчат, кланчат...

«Хватит, старый хрыч! – подумал я. – Отдавай документы – и я пошёл»!

Он устало выдохнул, покрутил в руке мои документы. Бросил их на стол и сказал:

– Мы можем вас принять.

Что? Я не ослышался? Наверное, всё это было написано на моём лице, потому что он усмехнулся и сказал:

– Нет, вы не ослышались. Мы действительно можем вас принять. Конечно, не в отдел X. И не в отдел Z. Речь идёт о работе не снаружи, а *внутри* Интернета. Мы можем взять

вас ассинетом.

И он выжидающе замолчал.

«Ассинет... – лихорадочно обдумывал я, – кто это такой? Ассистент? Ассистент кого? А самое противное, что он ждёт, когда я его об этом спрошу».

И я решил злорадно промолчать.

– Ассинет, – несколько разочарованно продолжил он, – это сокращение от «ассенизатор Интернета». В ваши функции будет входить очистка ВирПространства от старых объявлений, брошенных сайтов и тому подобного мусора. Вам повезло: вчера у нас освободилась эта штатная единица. Зарплата, конечно, совсем не та, на которую вы претендуете... Ну, что, вас оформлять?

– Оформляйте! – не раздумывая, ответил я. – Когда мне выходить?

– Завтра в девять утра в кабинет 14. А сейчас зайдите в двери напротив – там вам выдадут пропуск.

И он стал что-то набирать на клавиатуре, всем своим видом показывая, что я его больше не интересую.

Получив пропуск, я вышел на улицу и только здесь позволил себе улыбнуться. Если бы не прохожие, я бы рассмеялся во весь голос и, наверное, что-нибудь пнул бы или сломал. Меня приняли! У меня будут деньги, и я куплю Дженни букет... этих... во! роз! Она снова фыркнет: «Ты романтик!», и это прозвучит как ругательство, а я скажу: «Да, я такой, потому и не похож на твоих остальных, и за это ты любишь

меня, а не Джорджа и не Майка»! А она опустит глаза и скажет: «Джонни, ты такой милый...».

Никогда она мне этого не скажет.

Чтобы как-то убить время до завтра, я решил зайти к Донато. Мы с ним не друзья, но встречаемся часто. Он ко мне не заходит, всегда я к нему, потому что Донато проводит за компом 24 часа в сутки и не отходит от него дальше, чем до кухни и туалета. Занимается он, на мой взгляд, всякой ерундой: предел его мечтаний – забаббахать такого компьютерного червя, который перепугает весь Инет. Да только и здесь он ничего добиться не может: все его червидохнут, едва выползут за пределы его компьютера. Я не раз предлагал ему попробовать что-нибудь действительно интересное: ну, допустим, вытащить у изготовителей какую-то новую программу и выложить её в Инет с серийником и лицензионным ключом месяца за два до того, как они её продавать начнут. Сам-то я ещё и не такое делаю, и никто меня ни разу не ловил. Но такие идеи его совсем не увлекают. Странный парень! Я бы к нему и не подумал заходить, если бы не Марта, его сестра. Красивая! Обращает она на меня внимание, я, пожалуй, и про Дженни смогу забыть. Да только она, в отличие от Донато, дома редко-редко бывает. За всё время я её пару раз встречал. Хорошо бы, если б сейчас она оказалась дома! Я бы похвастался, что меня в WWWSS на работу приняли, пропуск издалека показал, чтобы не было видно, что я – ассинет. Но Марты, конечно, не оказалось. Донато с во-

одушевлением начал мне орать про своего очередного нема-тода, но я включил телевизор и стал смотреть баскетбольный матч. Он, по-видимому, обиделся, злорадно сказал мне, что Марта пошла в кафе со своим обожателем, и уселся за компьютер. Так в молчании мы и просидели часа три, потом я встал, выключил телевизор и так же молча ушёл.

Наутро я подошёл к дверям четырнадцатого кабинета, немножко потоптался, выдохнул воздух и вошёл внутрь. Это была раздевалка, где, как и положено, стояли шкафчики. Перед шкафчиками дефилировали одетые, полуодетые и полностью раздетые мужчины разного возраста, что-то рассказывали, перекрикивая друг друга, и гоготали. Однако, только я вошёл, кто-то присвистнул, и воцарилась тишина.

– А это, как я понимаю, новый ас Инета! – сказал один из них, здоровый парень лет двадцати пяти и расхохотался, как будто это было ужас, как остроумно. Все тут же заржали, очень противно и обидно. Хотя нет, не все: пожилой, лет пятидесяти мужчина с каким-то даже мрачноватым лицом подошёл ко мне.

– Джон Бейли? – спросил он. – Будешь моим напарником.

– Зовите меня Джонни, – сказал я.

– Хорошо, а ты меня – Чарли.

Он показал мне шкафчик с табличкой «Джон Бейли, ас-синет», в котором уже была приготовлена для меня какая-то странная – не то скафандр, не то комбинезон – одежда. Размер, разумеется, был мой, в чём не было ничего необычно-

го: в моих документах указано не только это, но даже моё любимое блюдо.

– А я – Фред, – протянул мне руку здоровяк, – ты не обижайся, Джонни, мы эту шутку – ассинет – ас Инета – недавно придумали, вот и угораем.

– Да я не обижаюсь, – соврал я, – а ты кем работаешь?

Вместо ответа он выпятил грудь, и на правом кармашке униформы я прочитал: «ERS» (Emergency Response Service). И так было ясно, что он из крутых.

Интересно, а как я буду выглядеть в своей новой форме? Внутри шкафчика оказалось зеркало, и я внимательно и критично оглядел себя. М-да. Во-первых, сразу понятно, что парень впервые напялил на себя всё это, во-вторых, по самой униформе видно, что он далеко не из «Службы быстрого реагирования».

– Пойдём, – сказал Чарли, – эти сейчас спать завалятся или будут в карты играть, а нам с тобой работать надо.

Я направился за ним. Мы прошли по какому-то длинному коридору и оказались в небольшом зале. Вдоль стен стояли кресла, а за стеклом перед пультом сидела весьма симпатичная девчонка лет двадцати – совсем немного младше меня. Увидев нас, она заулыбалась.

– Привет, дядя Чарли! – помахала она рукой. – Привет, Джонни!

Неплохо тут у них служба информации работает. Но больше всего мне понравилось, что она сказала это так, как буд-

то мы с ней уже сто лет друзья. Я тоже заулыбался ей в ответ, но сразу спохватился: мне кто-то говорил, что у мужчины, когда он улыбается красивой девушке, лицо становится очень глупым.

– Привет, Сью, – ответил мой напарник, – куда нас сегодня?

– В транспортный отдел Рунета.

– Какого чёрта – опять в Рунет? – возмутился Чарли. – Пусть русские сами его чистят!

– А вот ты им об этом и скажи, – посоветовала Сью.

– Обязательно скажу, как только встречу, – пообещал Чарли. – Да только что-то я их там ни разу не видел... Список объектов сбросила?

– Конечно, он давно на картах у тебя и Джонни.

«Карта, – подумал я. – А-а, это, наверное, в той штуке, похожей на телефон, которая лежит у меня в нагрудном кармане»!

Чарли направился к очередной двери, знаком показав мне, чтобы я следовал за ним. Перед самой дверью я не выдержал и оглянулся на Сью. Она как будто ожидала этого и сразу показала мне язык. В ответ я скорчил ей противную рожу, и она прямо покатилась со смеху. Чарли всё заметил.

– Хорошая девочка, – сказал он, едва за нами закрылась дверь, – наши обалдуи на неё внимания не обращают. Да оно и к лучшему. А тебе, вижу, она понравилась?

– Вот ещё! – покраснев, пробормотал я. – Это я ей так,

чтобы не задавалась. Подумаешь, сидит за пультом и нами командует!

Чарли внимательно посмотрел на меня, хмыкнул, но больше ничего не сказал. Так в молчании мы подошли к площадке виртуализатора.

– Приходилось перемещаться при помощи этой штуковины? – спросил он.

– Откуда? – пожал я плечами. – Слышал только про неё.

– Постой, – озадаченно сказал Чарли, – с тобой что – инструктаж вчера не проводили? И пробный выход не делали?

– Нет, – удивлённо ответил я, – а должны были?

Он нерешительно дёрнулся в обратную сторону, но тут же махнул рукой:

– Чёрт с ними, работа у нас не сложная и не опасная, я тебе всё на месте разъясню. Неохота время терять: мы же сдельно работаем. Ладно, вставай вот сюда, ноги пошире расставь и вперёд немного наклонись. Конечно, толчка никакого не будет, но у многих с непривычки при входе в ВирПространство голова кружится, и они даже падают. Ты не бойся: если упадёшь, не ушибёшься. Просто неприятно и всё.

Я чувствовал вполне понятное волнение. До сих пор я всегда работал снаружи Интернета, и вот впервые мне предстояло оказаться внутри.

– Сейчас мы встанем вот на эту площадку, – продолжал объяснять Чарли, – и у Сюзи на пульте зажжётся сигнал. Она включит виртуализацию, мы с тобой станем файлами,

и она отправит нас на место работы. Она же всё время будет следить, чтобы с нами не случилось ничего плохого, пока мы будем разбивать старые расписания движения поездов, самолётов и прочего.

— А чем мы их будем разбивать? — спросил я. — У нас же ничего нет! Не руками же?

— Нет, конечно, — усмехнулся Чарли, — там на месте увидим, что нам больше подойдёт, а Сью по нашему запросу забросит необходимое.

Чего-то сложного или неприятного в перемещении не оказалось. Себя и Чарли я видел и воспринимал такими же, какими мы были и до этого, вот только окружающая обстановка резко изменилась.

Чарли летел в привычном вертикальном положении, а меня, разумеется, вертело и так, и эдак. Впрочем, я сообразил быстро: не потребовалось никаких физических усилий, просто я представил себя идущим по обычному покрытию, и ко мне вернулась ориентировка в пространстве. Увидев это, Чарли одобрительно кивнул головой. А я стал с интересом смотреть по сторонам. Вокруг нас была чернота, в которой высвечивались разного цвета плоские и объёмные геометрические фигуры: квадраты, прямоугольники, треугольники, окружности, цилиндры... Все они лениво вращались вокруг своей оси, время от времени меняя направление вращения и скорость движения. Подобно стенам, тянулись вдоль толстые канаты, светящиеся сочетанием различных цветов. Они

внезапно обрывались, но тут же начинались другие, смещённые от прежних вверх или вниз, вправо или влево.

Внезапно наше движение вперёд прекратилось, и мы начали плавно опускаться, пока не коснулись... не знаю, чего. Не пола, конечно. Во всяком случае, твёрдой поверхности, которая представляла собой розового цвета плиту. «Прибыли на место работы», – подумал я. Здесь всё было уже гораздо привычнее: такие же плиты, как была и под ногами, окружали нас со всех сторон, образуя своего рода стены и потолок. В... гм!... помещении (а как это ещё назвать?) лениво вращались уже виденные мной прямоугольники с каким-то текстом. Иногда из прямоугольника выскакивал точно такой же и куда-то уносился. «Кто-то открыл этот файл», – сообразил я.

Чарли тем временем извлёк из нагрудного кармана такую же штуковину, как и у меня, нажал кнопку и сказал:

– Сью, мы на месте. Здесь ничего сложного, так что забрось нам два дилитера и хватит.

Почти тут же появились две штуковины, формой и размерами очень походившие на автоматы. На них даже были ремни, чтобы можно было повесить на шею. Чарли бросил один мне, второй взял сам, продолжая говорить в трубку:

– Спасибо, Сьюзи, получили, – он замолчал, видимо, слушая в наушниках, что говорит Сью, потом сказал мне: – Она передаёт тебе привет и желает поскорее освоиться.

Пока я в некотором замешательстве думал, что бы отве-

тить, Чарли усмехнулся и ответил за меня:

– Он сказал «спасибо» и почему-то покраснел... Ну, всё, отбой!

Теперь я и в самом деле покраснел и сделал протестующий жест, но Чарли не дал мне высказаться.

– Ладно, начнём работу. Смотри, как надо делать.

Он показал мне, как активизировать на телефоне список объектов, назначенных к уничтожению, и скоммутировать его с дилитером.

– Теперь смотри, – он навёл свой дилитер на один из файлов, раздался гудок, – это значит, что этот файл есть в твоём списке. Делаеть так:

Чарли нажал на спусковой крючок, и прямоугольник файла разлетелся на куски так, как будто в него попала граната, только всё было абсолютно бесшумно. Куски медленно парили в пространстве, рассыпаясь, в свою очередь, на ещё более мелкие.

– Понял? – спросил Чарли. – Ничего сложного. Если файл не подлежит уничтожению, прозвучит такой же сигнал, только двойной.

Действительно, и идиот бы всё понял.

– А что за файлы? – спросил я.

– Ну, это, например, было, – он сверился со списком, – расписание вылета самолётов компании «Трансаэро» за 2006год. Всё остальное – такое же.

Ничего себе – 2006! Это же сорок лет назад! Мы взялись

за дело вдвоём, и вскоре всё наше «помещение» стало напоминать рождественский салют из конфетти. Я приспособился очень быстро, и вскоре заметил, что опережаю Чарли. По его нахмурившемуся лицу я понял, что это ему не нравится, и он старается не отстать. Мы устроили настоящее соревнование, и я всё увереннее уходил вперёд, а потом, разобравшись во всех возможностях дилитера, начал откровенно хохмить. Оказалось, что файлы с его помощью можно не только уничтожать, но и передвигать, и я тут же это испытал. Увидев, что Чарли прицелился в какой-то файл, я захватывал его своим дилитером и уводил в сторону; и тогда Чарли мазал; а я, отведя файл, очень лихо его шлёпал. Чарли и хмурился, и смеялся одновременно. Он говорил: «Джонни, перестань дурачиться!», но не мог сдержаться и хохотал. Он тоже пытался перехватывать мои файлы, но я всегда опережал. В общем, всё было бы просто замечательно, если бы я, увлёкшись, не уничтожил один нужный файл. Система защиты сработала, двойной гудок прозвучал, но я не успел остановить свой палец и нажал на спуск. Тотчас на телефонах у меня и у Чарли противно завывала сирена. Чарли опустил дилитер и знаком велел мне сделать то же самое.

– Аут, сынок! – торжествующе произнёс он. – Этим прекрасным выстрелом ты выбил ровно три процента из своего дневного заработка! Давай передохнём.

Он забросил дилитер за спину и вызвал диспетчерскую.

– Сьюзен, сообщи русским: мы случайно шлёпнули... – он

сверился со списком, – расписание движения поездов весна-лето от Ярославского вокзала за нынешний год, пусть поставят заново... Нет, не Джонни, как ни странно – я... Ну, задумался... Конечно, на меня и запиши... Отбой!

– Чарли, зачем ты так? – с обидой сказал я. – Я виноват – мне и отвечать. С какой стати ты должен из-за меня нести убыток?

– А кто тебе сказал, что я собираюсь его нести? – усмехнулся он. – Получишь деньги – вернёшь мне, сколько положено. А вот начальству нашему ни к чему знать, что ты в первый же день допустил оплошность. Они ведь не видели, как ты тут здорово ворочал! Только не суетись – и всё будет нормально.

После этого мы ещё часа два колотили какие-то файлы, пока из наших телефонов не раздался сигнал, похожий на фанфары.

– Финиш! – сказал Чарли. – Здесь теперь всё чисто.

Он посмотрел на часы и сказал, что мы опередили расчётное время на 35 минут.

– Придётся торчать здесь, – объявил он, – если мы выйдем раньше, начальство сделает вывод, что можно работать быстрее, и с удовольствием урежет расценки. Можешь быть уверен, другие бригады нам этого не простят!

Мы уселись на «пол», спинами прислонившись к «стене».

– Чарли, – спросил я, – а это и есть вся наша работа: разбивать старые файлы? Или бывает что-то поинтереснее?

– Бывает, – не совсем уверенно ответил он, – например, брошенные сайты. Там всякое попадает! Сами по себе сайты мертвы, а вся информация на них в порядке и действует. Так что запросто можешь встретить там голых девчонок или громилу с бластером. Оружие-то их, правда, для нас никакой опасности не представляет: оно поражает только объекты, которые задействованы именно в этой игре. Но если встретить каратиста, то, наверное, можно и по морде получить. Этого никто не проверял: мы всегда сначала блокируем их в границах сайта, а потом дилитерами работаем.

– А не возникает ощущения, что это ты живых людей уничтожаешь? Ведь они, насколько понимаю, двигаются, разговаривают...

– Возникает, – признался Чарли, – особенно перед девчонками неловко. Приходится всё время повторять себе, что это всего лишь видеоизображения, а оригиналов или давно уже нет в живых, или они находятся в таком возрасте...

Он махнул рукой.

– Чарли, а какие-нибудь экстремальные ситуации бывают? Ну, там, вирусы или каратисты прорвутся?

– Насчёт каратистов – это, конечно, чушь, а вот вирусы – постоянно. Только нас с тобой это не касается: Сюю нас сразу отсюда вытащит, а на наше место пришлют кого-нибудь из ERS. Фреда, хотя бы, с компанией.

Пока мы с ним так болтали, подошло время обеда. Об этом сказала мне Сюю, вызвав именно меня, а не Чарли.

– Джонни, – сказала она, – мы всегда обедаем в нашем кафе, там нам делают хорошие скидки. Тебе, значит, тоже: ты ведь теперь сотрудник «трёх W – двух S». Займёшь на меня место за столиком?

– Конечно, – обрадовался я, – а где это кафе находится?

– Тебе Чарли покажет. Я вас сейчас первыми вытащу, вы идите туда, пока я другие бригады вытаскиваю.

Я нажал кнопку отбоя и повернулся к Чарли. По его лицу было понятно, что сейчас он снова начнёт подшучивать по поводу меня и Сьюзен. Странное дело: я совсем не был против! Наоборот, мне даже хотелось этого. Тем самым Чарли как бы признавал, что между мной и ею начинают завязываться какие-то отношения, и мне это было приятно. Хитро улыбаясь, Чарли открыл, было, рот, но тут как-то по-особому зазвонил его телефон. По тому, как изменилось выражение его лица – стало каким-то удивлённо-напряжённым, – я понял, что это не совсем обычный вызов. «Мистер Ривз», – пробормотал он. По его репликам я пытался угадать содержание разговора. Интуиция подсказывала мне, что случилось что-то весьма необычное. Временами Чарли делал длительные паузы, внимательно и тревожно слушая собеседника, из чего я заключил, что ситуация, вероятно, даже опасная.

– Слушаю, шеф, – сказал он. – Да, мы ещё здесь... Шеф, но при чём здесь мы? Пусть вызывают реактёров... Шеф, но со мной только новичок – первый день в Инете!... Ну,

и что, что категория В?... Чёрт возьми, шеф, пусть тогда хотя бы его отсюда вытащат!... Ага, а с червями воевать ассинетам что – положено?... Шеф, да с ним вчера даже инструктаж не проводили и пробный выход не делали!... Ну, тогда дайте мне хоть полчаса на инструктаж по действиям в боевой обстановке!... Двадцать минут? Ладно, понял. Отбой.

Предупреждая мои вопросы, Чарли сделал жест рукой: «Подожди» – и вызвал Сью.

– Сью, срочно забрось нам два боекомплекта по действиям в ситуации А... Я знаю, что он – категории В, а ты нам забрось для А. Давай быстрее.

Он нажал на кнопку отбоя, и на лице его мелькнула слабая улыбка.

– Про тебя ни словом не обмолвилась, – сказал он мне, кивнув на телефон. – Значит, волнуется!

Тут лицо его снова стало серьёзным, и он знаком показал мне, чтобы я слушал предельно внимательно.

– В общем, так, малыш, придётся тебе в первый же день принять боевое крещение. Что поделать – сегодня хакеры словно взбесились! Всё червями усыпано – иаэсовцы не поспевают по Инету мотаться. Весь резерв срочно вызвали. Вот нам и приказано самим справляться. Конечно, нас бы не допустили, будь червяк категории А, то есть Разрушитель. А он...

– Знаю, – сказал я, – Созидатель. Не сам грызёт, а устанавливает какую-то программу, скорее всего, националист-

скую или шовинистскую. А она потом выбивает всю систему так, что кроме неё ни одна программа не работает. Ты, Чарли, время зря не трать: я про червей практически всё знаю.

Я и в самом деле знал про них очень много. Каюсь: однажды даже сам запустил в Сеть. В день рождения Дженни. И назвал его (её?) «Дженни». Подарок, в общем. Шуму тогда получилось много. И настоящая Дженни знала, что это я – в честь её. Она тогда впервые на меня благосклонно посмотрела, и мы с ней даже чуть в кафе не пошли. Но тут некстати припёрся этот Майк...

– Заткнись и слушай! – рявкнул на меня Чарли. – Ты внутри с ними встречался? Знаешь, как они выглядят, в чём основная опасность, как с ними справиться? Вот так-то.

И правда, этого я даже не представлял, поэтому сделал извиняющийся жест и стал внимательно слушать.

– Дилитером с ним ничего не сделаешь, – сразу успокоившись, продолжал Чарли, – у него совсем другая длина волны. Против Созидателей мы обычно применяем парализатор, а потом разносим вдребезги дистройером. К ним можно подойти вплотную, это не то, что Разрушители – те стреляют иголками, и достаточно одного попадания, чтобы ты стал разваливаться на куски. Не забывай, что сейчас ты – файл.

Объясняя, он демонстрировал мне оружие, которое уже успела забросить Сю: парализатор, похожий на пистолет, и дистройер – по виду тот же дилитер, только не красного, а серого цвета.

– Чарли, – сказал я, – а ведь ты работал в ERS! За что тебя в ассинеты сослали?

– Я – в ERS? – рассмеялся он. – Да нет, конечно, куда мне... Просто несколько раз попадал в ситуацию, похожую на эту. А вот работать с ними приходилось, так что видал кое-что... Ну, ладно, не отвлекайся. Хочу тебе на всякий случай про Разрушителей рассказать: мало ли что... Хотя, не дай Бог, конечно... В общем, их мы бьём дистройерами с двух точек. Одному ничего не сделать, у них высокая восстановительная способность. Нужно лупить в то место, где у настоящего червя была бы «голова». Именно оттуда он стреляет иглками. Если разбить хотя бы процентов тридцать поверхности – он готов, начинает распадаться. Ну, это я так... С Созидателями таких проблем не бывает.

Чарли посмотрел на часы.

– Ну, готовься, Джонни, скоро он появится: сейчас русские ему приманку бросят.

– Антивирусник снимут? – догадался я.

– Точно, – одобрительно кивнул Чарли. – Соображаешь! Знаешь что, неохота мне с ним долго возиться, ещё, того гляди, на обед опоздаем... Так что к чёрту эти парализаторы, давай раздолбаем его дистройерами. Бери вот этот и оставайся здесь, а я вон туда пройду. Будем бить каждый по своей стороне. Ничего сложного здесь нет: направь ствол и на крючок нажимай. Ну, удачи!

Чарли ткнул меня кулаком в плечо и стал пересекать «по-

мещение» по диагонали. Я понял, что был неправ насчёт ERS: по его движениям видно, что он не вояка. По крайней мере, в фильмах они не так ходят.

Я лежал на животе с дистройером в руках, заслонившись файлами расписаний, которые подтянул к себе и удерживал с помощью дилитера. В «помещении» творилось неведь что: кружились в «воздухе» и валялись на «полу» обрывки вовсе не предназначенных для разрушения файлов, неотвратно рассыпаясь на всё более мелкие куски, пока совсем не исчезали. Плевать на них на все я не хотел, кроме одного: впереди и справа от меня по диагонали распадался файл, который ещё совсем недавно назывался «Чарли». В горле у меня застрял здоровенный комок, я выл и иногда от бессилия колотил кулаком по «полу». Глупо всё получилось. Впрочем, такое всегда получается глупо.

Едва мы с ним заняли свои позиции, слышались звуки, не оставлявшие никаких сомнений в том, что это червяк. Тишины в Интернете вообще не бывает, непрерывно слышится гудение с меняющейся частотой и высотой звука, раздаются какие-то щелчки... И при всём при том они гармонично вписываются в общую картину шума, чувствуется, что это всё – единое целое. И вдруг – эти звуки. Впечатление было такое, будто у ровно и хорошо работающего двигателя внезапно начал цеплять вал, и вот уже вместо мерного шума какой-то скрежет и завывание. Словом, что-то инородное.

Чарли поднял левую руку, привлекая моё внимание,

и ободряюще подмигнул. И вдруг лицо его перекосило, и он заорал:

– Джонни, прячясь за файлы, это Разрушитель!

Видимо, он хотел дать мне время спрятаться, потому что выскочил на середину и начал лупить из дистройера во что-то, чего я ещё не видел. Но я застыл на месте, не в силах двинуться, потому что смотрел, как он это делает, и пытался увидеть, во что он стреляет. А Чарли палил, что есть сил, и, поминутно оглядываясь, орал на меня.

В него попало сразу несколько игл, и я увидел жуткое зрелище: как будто кто-то невидимый рвал фотографию Чарли на мелкие кусочки. Эти кусочки сопротивлялись и пытались вернуться на место; но Невидимка хорошо знал своё дело и, в свою очередь, рвал на куски и их.

И тут я увидел ЕГО. Скорее инстинктивно, нежели поняв что-то умом, я прыгнул в сторону и укрылся за файлом. Файл висел таким образом, что ноги мои не прикрывал, а чтобы поразить меня, совсем не обязательно попадать в голову или сердце: войди игла в любую часть тела, и меня неизбежно постигнет участь Чарли. На моё счастье, именно здесь лежал один из брошенных нами дилитеров. Я поспешно схватил его и стал сооружать прикрытие из файлов. Я не успокоился, пока не выстроил толстенную стену. Судя по тому, что тут же полетели куски, червяк немедленно принялся за работу. Однако, какое-то время у меня, безусловно, было, и следовало распорядиться им по-умному.

Правильнее всего было бы вызвать Сьюзи. Но я не мог этого сделать: как я ей скажу о Чарли?... Стоп! Чарли говорил, что она будет следить за нами. Значит, ей всё уже известно. Какие действия она предпримет? Безусловно, вызовет ERS, и те, надо понимать, на всё плюнут и свалятся сюда, чтобы поквитаться за Чарли, и это может произойти прямо сейчас. Значит, всё, что мне нужно – это отсидеться, отгораживаясь от червя очередными файлами вместо уничтожаемых в ожидании, когда придёт помощь. И тут же понял, что никогда в жизни ничего не хотел больше, чем самому, до появления реагёров уничтожить эту мразь. Я попробовал вспомнить, как он выглядит: действительно, чем-то похож на червя, хотя, если точнее, некая помесь червя и дикобраза, только иголки не торчат во все стороны, а направлены вперёд.

По приближающемуся шуму я представлял, как худеет стена файлов, но всё ещё не торопился. Глупее всего было бы выскочить с дистройером и попытаться свалить червя. Даже у Чарли этот номер не прошёл. Единственный вариант – подобраться к нему незаметно. Но как?

В «стрелялки» я играл миллион раз, поэтому какое-то представление о тактике имел. Но там всегда были какие-нибудь укрытия, а здесь – ничего, и даже количество файлов катастрофически редет. Скоро их совсем не останется, и тогда он примется за меня... Так – так – так! Вот именно: когда не останется! Он ведь бьёт сейчас всё подряд, а не ищет

целенаправленно меня. Ему всё равно, тот файл или этот... Почему он убил Чарли? Потому что тот стоял прямо напротив него и лупил по нему из дистройера. Как он поступит, если перед ним окажутся сразу два файла, с которого начнёт? Наверное, с того, который ближе. Или с того, который резко двигается и может «убежать». Это уже что-то. Можно попробовать. Но даже, если удастся его обойти, что мне это даст? И тут мне снова вспомнились направленные вперёд иголки. Значит, сзади – мёртвая зона!

И я решился.

Держа наизготовку дистройер (как будто от этого будет какой-то толк? но так всё равно спокойнее), я стал медленно отходить назад и в сторону от приближающегося червяка. Коснувшись спиной стены, я стал передвигаться вдоль неё и, наконец, с бьющимся сердцем вышел из-за укрытия.

Моё предположение оказалось верным: червяк не обратил на меня внимания (т. е., не послал в мою сторону ни одной иглы), и я медленно-медленно продолжал движение, пока не оказался сзади него.

Чёрт знает отчего, но именно в этот момент у меня появилась уверенность, что я справлюсь. Не спеша я подошёл к нему и, стараясь попасть как можно ближе к осевой линии, стал разрезать дистройером.

Сейчас я был совершенно спокоен. Черви неповоротливы, и я знал, что если он попытается развернуться ко мне иглами, я смогу, кружа сзади него, довести дело до конца.

Но произошло нечто неожиданное: червь никак не отреагировал на то, что его режут и продолжал заниматься файлами! Похоже, его создатель не вложил в него программы самозащиты! Ни один хакер в здравом рассудке так бы не поступил! И тут мне пришла в голову мысль настолько дикая и в то же время несомненная, что я совсем взбесился от жуткой догадки и начал в приступе злости полосовать червя лучами дистройера. По-моему, я даже кричал что-то глупое. Ну, типа «Это тебе за Чарли»!

А дальше – как в самых пошлых боевиках. Фред с ребятами появились, когда от червя остались только сворачивавшиеся ошмётки. Они что-то говорили мне, хлопали по плечам и спине, но я только морщился, инстинктивно искал глазами то, что осталось от Чарли, понимая, что ничего уже давно нет, и говорил, что хочу выйти отсюда. Они, по-видимому, связались с Сьюзи, и та вытащила нас с Фредом. Фред проводил меня до раздевалки.

Выйдя из здания WWSS на улицу, я сразу отправился к Донато. Двери открыла Марта.

– Привет! – сказала она, глядя на меня с прищуром и улыбаясь. – Тебя, кажется, Джонни зовут? Донато мне про тебя все уши прожужжал. Ещё бы, ты – единственный, кто с ним водится! А, кстати, ты к нему или, может, ко мне?

«Наверное, поссорилась со своим „обожателем“ и хочет попробовать вариант со мной», – вяло подумал я и, ничего не ответив, прошёл мимо неё.

Увидев меня, Донато в восторге подскочил и начал орать то, о чём я уже и сам догадался ещё там, в Инете.

– У меня получилось! Он жил целых три часа! Он съел чёртову уйму файлов у русских на транспортном сайте!

Для начала я врезал ему справа, и он отлетел к стене, сбивая всё по пути и таращась на меня невероятно удивлёнными глазами. Выглядел он очень жалко, и мне было жаль его, но ещё больше было жаль Чарли, и я схватил его правой рукой за ворот и врезал ещё раз, теперь слева. Похоже, я разбил ему нос; лицо у него было в крови, и он орал и ругался. Прибежала испуганная Марта, и они стали орать на меня вдвоём. Я ничего им не ответил, а подошёл к компьютерному столу, вырвал системник и шарахнул его об стену. Потом схватил первое, что попало под руку – очень удачно это оказался утюг, – и начал молотить по монитору, снова по системнику и всему, что попадалось на глаза.

Когда я пришёл в себя, ни Донато, ни Марты в комнате не было. За окном противно завывала полицейская сирена. Я и не собирался скрываться, а стал ждать, когда они войдут и арестуют меня.

– Бейли, на выход! За тебя поручились, можешь до суда отправляться домой!

Верзила-коп насмешливо смотрел на меня, поигрывая электронным ключом от камеры.

«Кому понадобилось поручиться за меня»? – лениво подумал я, поднимаясь и идя к выходу. Отца с матерью не взяли бы в поручители даже бездомной собаке, а кроме них на меня, как я понимаю, вообще всем было наплевать. Неужели Дженни или кто-то из её друзей?

Но это была Сю. Издалека видно было, что она злится, от её давешней улыбки не осталось и следа. Она даже смотрела мимо меня и в сторону, пока дежурный оформлял документы и возвращал мне изъятое удостоверение WWSS и ту мелочь, что у меня была.

Едва мы вышли на улицу, её прорвало:

– Неужели нужно было обязательно напиться и устроить дебош? Ты хоть понимаешь, что натворил? Из полицейского участка сразу сообщили в нашу контору, и тебя уволили, несмотря на все твои подвиги! Потому что WWSS очень дорожит своим имиджем и моментально избавляется от сотрудников, которые могут бросить тень на её доброе имя!

Я молчал, и это разозлило её ещё больше. Мы как раз проходили мимо скамейки, она схватила меня за рубашку обе-

ими руками и толкнула на неё так, что я тут же уселся, а сама встала надо мной, вся кипящая от ярости. «Это она из-за меня расстроилась», – подумал я и понял, что должен ей объяснить.

– Понимаешь, Чарли погиб из-за меня, – пробормотал я, – он отвлёк внимание на себя, чтобы я мог спрятаться. А этот Донато... В общем, это его червяк.

Сью стояла, как громом оглушённая. Она смотрела на меня как-то странно, и я не мог понять, что означает этот её взгляд. Наконец, она села рядом, прижавшись ко мне, и взяла меня под руку.

– Вон оно что, – тихо сказала она, – так ты подумал, что дядя Чарли погиб? Неужели тебе даже этого не объяснили? Ах, да, дядя Чарли ведь говорил, что с тобой забыли провести инструктаж!

До меня даже не сразу дошло, что именно она сказала; а когда дошло, то я выпятился на Сью, абсолютно ничего не понимая. Она легонько тронула меня другой рукой.

– Джонни, в Инете *никто не погибает!* Неужели тебе не приходилось восстанавливать стёртые файлы?

Вся кровь бросилась мне в лицо. Идиот! Это же надо так лохануться! Конечно, я восстанавливал, и не раз. Правда, стёртые файлы – это одно, а повреждённые – совсем другое. Так ведь и аппаратура, и программы у них несравнимо мощнее моих.

– Пойдём, – сказала Сью, поднялась со скамейки и потя-

нула меня за собой.

Я послушно пошёл за ней. Возле супермаркета стоял видеодфон. Сью вставила свою карту и набрала какой-то номер. На дисплее появился... конечно, Чарли. Он заулыбался Сью, но потом увидел меня, и лицо его задеревенело. Так же, как раньше Сью, он старался не смотреть в мою сторону.

– Дядя Чарли, – она не стала тратить время на приветствие и подобную ерунду, – Джонни думал, что ты погиб. И побил подонка, который запустил в Сеть червя.

Больше всего я боялся, что Чарли рассмеётся или, наоборот, станет меня успокаивать, а то и, не дай Бог, благодарить. Но ничего этого он не сделал. Он долго молчал, глядя на меня, потом как-то облегчённо вздохнул и сказал:

– Вот что, Джонни, выходи завтра на работу. Мы с Фредом объясним всё мистеру Ривзу и, думаю, сумеем его убедить отменить свой приказ.

– А куда он денется! – весело сказала Сью. – WWWSS не только Джонни восстановит на работе, но и дело с судом постарается замять: получается, они сами во всём виноваты – инструктаж не провели! Захотят они себя ославить? Я думаю, этому Донато отвалят такую сумму, чтобы дело замять, что он Джонни ещё и благодарить будет.

Потом я проводил Сью до дому.

– Завтра познакомлю тебя со своими родителями, – сказала она, – а сегодня уже поздно.

И, поцеловав меня, убежала.

На следующее утро к зданию WWWSS я подходил всё же в нерешительности и очень обрадовался, увидев у входа Фреда, который явно поджидал меня.

– Всё нормально, – сказал он, пожимая мне руку, – пойдём.

В раздевалке все шумно меня приветствовали, и только при встрече с Чарли возникла некоторая неловкость: мы оба были сконфужены, и сами не знали, почему.

А на моём шкафчике висела новая табличка. «Джон Бейли, ас Инета» – было написано на ней.

Меня ждёт Энни

1

Моё имя – Сэмюэль У. Каховски; возраст – 32 года, неженат, профессия – свободный художник. Последнее означает, что средства к пропитанию я добываю всеми возможными способами, не вступая при этом в серьёзный конфликт с законом... Нет, я даже напишу так: с Законом – чтобы подчеркнуть, как я его уважаю. Подтверждением этому служит тот факт, что за 12 лет, прошедшие со дня окончания колледжа, у меня было всего три судимости с абсолютно смешными сроками заключения: два раза по полтора года и один раз – восемь месяцев. Статья во всех случаях одна и та же: «Мошенничество». Мошенник – так наше «правосудие» называет человека, который пытается излечить другого человека от глупости и жадности. А на последнем процессе прокурор назвал меня любителем лёгкой наживы. Это меня-то! Пусть бы сам попробовал проделать всё, что проделываю я, добывая хлеб насущный, тогда бы увидел, насколько это легко.

Да даже если и так – что в этом криминального? Любому человеку свойственно желать заработать как можно больше денег, затратив на это как можно меньше усилий. Получает-

ся, меня осудили за то, что я – человек?... Вас смущает мой тезис? Хорошо, поместите в газете два объявления: «Смертельно больной одинокий миллиардер срочно ищет друга, которому хочет завещать всё своё состояние» и «Для работы в каменоломне требуются физически крепкие, привыкшие к лишениям люди. Кувалдами обеспечим». Думаю, вы и сами знаете, по которому объявлению телефон будет звонить не переставая, а по которому – даже не звякнет.

Впрочем, чтобы быть абсолютно честным, признаюсь: второго объявления я не помещал ни разу, тем не менее, в результате уверен.

Вы, наверное, думаете, что я стараюсь как-то себя обелить? Вот, мол, занимается обманом людей, а хочет себя выставить таким моралистом, врачующим людские пороки. Ладно, приведу конкретный пример. Допустим, сидит человек за столиком в кафе, пьёт пиво. Подходит к нему другой человек, вежливо спрашивает разрешения присесть за его столик, садится, тоже заказывает пиво и пьёт. Потом они говорят о погоде, потом о всякой ерунде и, наконец, второй доверительно сообщает первому, что он – министр финансов одной банановой республики. Приехал в Штаты заключить крупную сделку, привёз с собой 20 миллионов долларов и понял, что не хочется ему заключать сделку и возвращаться домой, а хочется со всеми этими деньгами остаться в Штатах. Так вот, если бы нашлась какая-то добрая душа, которая позволила бы ему перевести эти деньги на свой счёт – всего

на пару дней, пока он не сделает себе серьёзное прикрытие – он, в благодарность за это, легко отдал бы этому человеку три миллиона из двадцати.

Сначала у первого срабатывает глупость: он сообщает, что именно он и есть та добрая душа, так необходимая министру финансов, и охотно предоставляет свой счёт. Они идут в банк, добрая душа пишет на бланке номер своего счёта, ставит свою подпись и убегает курить, потому что ему нужно обдумать одну мысль, которую подсказывает жадность. Путём несложных математических вычислений он приходит к выводу, что двадцать – больше, чем три. Обдумав свои дальнейшие действия по прикарманиванию всей суммы, он возвращается и видит, что министр ушёл. Он проверяет свой счёт и с изумлением обнаруживает, что там нет не только двадцати банановых миллионов, но и тех сорока тысяч, которые до этого были.

Так вот, это я к тому, что после этого ни глупым, ни жадным он уже не будет. Разве это не стоит тех сорока тысяч, которые я взял с него за учёбу?

Тем не менее, государство эти и подобные им мои действия сочло непедагогичными и даже антиобщественными, о чём его представитель – прокурор – сообщал мне три раза. Но я был уверен в собственной правоте и упорно продолжал по мере сил помогать согражданам избавляться от этих двух названных пороков. В общем, каждый из нас гнул свою линию, но тут произошло событие, которое наши с государ-

ством отношения перевело на качественно новый уровень.

Выхожу я в третий раз из тюрьмы, охранник на воротах жмёт мне руку и говорит: «Ну, пока, Сэм, не задерживайся там, ждём!», а в голове – ни одной мысли по поводу того, с чего начать. А всё потому, что дали мне в этот раз восемь месяцев вместо привычных полутора лет, вот и не успел ничего придумать.

Пошёл я в парк, сел на скамейку и с грустью на прохожих смотрю: ведь у каждого есть чем со мной поделиться, только толкнуть их к этому немножко надо, а у меня в голове – полный ступор. Ничего не поделаешь: творческий кризис, со всяким художником такое случается.

Где-то через час подсел ко мне один старикашка. Я уж с отчаяния хотел, было, его на что-нибудь развести, да приоткрылся повнимательнее и мысленно рукой махнул. Знаю таких типов: из наличности у них в кармане полтора доллара, а из недвижимости – табуретка в доме, который полностью жене принадлежит. Потом, правда, оказалось, что насчёт наличности я в точку попал, а вот с недвижимостью ошибся.

Сел он и тут же начал мне бухтеть о том, как в нашем обществе нравственность упала, все думают только о себе, а о любви к ближнему давно забыли. Но он не такой: видит, что у меня сейчас трудности – это ему жизненный опыт подсказывает – вот и хочет мне помочь. Сам он старый и одинокий, вот-вот, гляди, помрёт, а имущество своё – домик из восьми комнат с неплохой обстановкой – передать-то

и некому. Вот он и решил найти хорошего человека, которому всё это пригодится, и по завещанию всё ему и отписать. В людях он, по причине своего возраста разбирается, поэтому сразу увидел, что я – именно такой человек и есть.

Я от возмущения чуть не задохнулся. Ах, ты, думаю, старая перечница! решил мой трюк с миллиардером на мне же и проверить?

– Насчёт хорошего человека, – говорю, – вы не ошиблись: я только два часа назад из тюрьмы вышел. Так что здесь вам ваш жизненный опыт не соврал.

Хотел я ему ещё сказать, что такое кидалово, только лучше обставленное, сам не один раз проделывал, но решил промолчать. Интересно мне стало. Я же впервые по другую сторону оказался! А вдруг, думаю, у него какие-то собственные наработки имеются, это ж обмен опытом получается.

А он мне так ласково говорит:

– Про тюрьму, сынок, я тоже сразу понял. Она у тебя снаружи во всём видна. А я в тебя глубже заглянул, и ты мне понравился. Так что давай наш разговор дома продолжим. Ты ведь, наверное, есть хочешь?

Вот так мы с ним и стали жить в его доме. Старик этот учёным оказался, Гордоном Везером его звали. Вернее, жить – это очень громко сказано: старик почти с постели не подымался, а я из-за этого ощущал себя пистолетом со взведённым бойком – чувствую, что-то назревает, но никак не могу понять, с какой стороны ожидать подвоха. Поэтому, ко-

гда он слабым, еле слышным голосом попросил меня сходить за врачом и адвокатом, я по-настоящему испугался и чуть не сбежал: это как же, думаю, здорово он меня нагреть хочет, что ещё с двоими делиться будет? И ведь знает он прекрасно, что ни денег, ни имущества у меня нет, всё моё состояние – это моя собственная жизнь. Так неужто её? Или он тело моё на запчасти продать хочет? Тогда ситуация действительно опасная. Но когда их увидел, успокоился: силой они со мной все втроём ничего сделать не смогут, а обманом меня взять трудно.

Врач его освидетельствовал и заключение написал, что, мол, состояние критическое, и медицинская наука здесь бессильна, а адвокат под диктовку старика составил завещание, согласно которому я становился полным и единственным наследником Гордона Везера, так как жена его ещё десять лет назад умерла, а детей у них никогда не было.

Только они ушли, старик меня позвал, попросил сесть рядом.

– Сынок, – говорит, – я должен сказать тебе одну очень важную вещь.

Ага, думаю, началось! Ну, Сэм, внимание! И не вздумай что-нибудь прохлопать.

Но то, о чём он рассказал, окончательно сбило меня с толку. Я должен был честно себе признаться, что совсем не понимаю, на чём старик хочет меня подловить, и пока не видел, как всё это может мне пригодиться в моей работе.

– Я тебе открою самую важную мою тайну, – продолжал он, – и теперь она будет твоей. Можешь поступить с ней, как хочешь: выболтать на улице первому встречному или использовать втихую сам – решать тебе. Ко мне это уже не имеет никакого отношения, ты и сам слышал, что жить мне осталось дни, а может даже часы. Три последних года я работал над этим изобретением, самым главным, что я смог сделать в жизни. Только работа помогла мне прожить эти три года, и теперь, когда она закончена, ничто меня не удерживает в этом мире. Обидно, конечно, что не могу сам воспользоваться результатами своего труда, но меня согревает мысль, что я сумел сделать это. Сэм, я построил *контур для передвижения во времени!* Ты что-нибудь о таком слышал?

– Фильм смотрел, – рассеянно сказал я, – «Back to The Future».

Я по-прежнему все его слова воспринимал как обставу и не очень вникал в смысл того, о чём он говорил, пытаюсь вовремя разглядеть ловушку.

– У меня всё проще, – усмехнулся он, – не надо разгоняться до 88 миль, и вообще установка стационарная. Ты её ещё не видел, она стоит в моём подвале. («Ну, положим, видел, – подумал я. – Стоит там какая-то хреновина»). Из-за этого есть некоторые ограничения – пока. В прошлое можно переместиться не далее, чем на 50 лет, до 12 июня 1957 года: именно тогда я закончил строительство дома. Если переместиться дальше этой даты, невозможно будет вернуться на-

зад. Можно решить и эту проблему, если перевезти контур в какое-то более старое здание или вообще в пещеру. Но пока – так. Пользоваться им чрезвычайно просто; кроме того, я оставил подробные инструкции в тетради, которая лежит на пульте.

Дальше его разговор полностью стал походить на бред. Он предавался мечтаниям о том, что именно сделал бы, будь он здоров и молод. Говорил о встречах с великими людьми, пока они ещё не стали великими, о перемещениях в будущее... Я облегчённо вздохнул, когда он, наконец, заснул.

Гордон Джон Везер умер через два дня. Я долго не мог в это поверить, считая и смерть его частью какого-то дьявольского плана в отношении меня, точнее, моего тела. Но оказалось, что, помимо прочего, он оставил кучу документов, чтобы отвести от меня подозрения полиции в совершении чего-то нехорошего, каковые были бы совсем не удивительны, учитывая мою профессию и тюремное прошлое. Положим, меня всё равно потрясли довольно основательно, но в итоге вынуждены были оставить в покое. Только тогда я уверовал в полное бескорыстие Гордо... Нет, я по-прежнему не могу называть его иначе, чем звал раньше, только теперь делаю это с большой буквы: Старик.

1.1

Необходимо было на что-то решаться. Двадцать семь долларов с мелочью – вот весь капитал, которым я располагал. Не знаю, на что мы жили раньше; возможно, это были остатки накоплений Старика. Не буду рисовать себя ангелочком с крылышками: на следующий же день после его смерти была у меня мысль заложить дом и на эти деньги уехать в какой-нибудь город, где ещё не появлялся министр банановых финансов – ничего другого по-прежнему в голову не приходило. Но... не смог. В Контур я не верил, но всё равно не мог. Я, тыщу раз обманывавший самых разных людей, Старика обманывать не хотел. Наверное, потому, что не было в нём ни жадности, ни глупости.

На третий день, озверев от безделья, безденежья и неопределённости, я полез в подвал. Контур я и до этого видел, но тогда он ничем меня не заинтересовал. Сейчас – другое дело: передо мной был агрегат, которому человек, его изготовивший, приписывал, если так можно выразиться, совершенно невозможные возможности.

Взглянув на Контур, я ошеломлённо присвистнул. Сразу было видно, что делал его старый немощный больной человек: все узлы были смонтированы в деревянном шкафу, и роль гетинакса выполняла обычная фанера. Чуть приличнее выглядел пульт, изготовленный на базе звукоорежиссёр-

ского EwSE-120– такой был у нас в колледже для озвучки дискотек. Слева и справа от пульта стояли абсолютно одинаковые электронные часы из серии тех, на которых отражена полная временная информация: число, месяц, год и время с часами, минутами и секундами. На левых маркером было написано «Время убытия», на правых – «Время прибытия». От часов к пулту отходили провода.

Я в задумчивости включил пульт, и тут же на левых часах высветилось текущее время и дата, а на правых – сплошные нули. Это становилось интересным. По крайней мере, что-то работает. Я сел в кресло, взял, было, в руки тетрадь, но тут же отложил в сторону: всё и так было ясно. В пульт была вмонтирована клавиатура, я нажал цифру 1, и она тут же появилась на правых часах. Я нажал «Reset», закурил и задумался.

Очень, конечно, хотелось поверить. И очень хотелось прямо сейчас попробовать. Удерживало только одно: я боялся. Боялся, что всё это – полная ерунда, и тогда окажется, что Старик – обманщик, потому что сумасшедшим-то он точно не был. За последние два дня я стал относиться к нему с уважением и очень не хотел в нём разочаровываться.

Но, докуривая сигарету, я уже знал, что обязательно сделаю это – поведу во Время.. Я стал подыскивать оправдания для Старика, и они быстро нашлись. Ну, конечно же! Старик вовсе не был обманщиком, он был мечтателем, фантазёром! Он искренне верил в придуманную им сказку, но ему скучно

было верить в неё одному. Вот он и рассказал её мне, что же в этом плохого?

По поводу даты никаких сомнений не было. 23 марта 1989 года 10 часов 32 минуты. С того самого дня и доныне она всегда у меня перед глазами в образе цифр на дисплее нашего квартирного телефона. Я снова нервно закурил. Восемнадцать лет прошло, но такое, конечно, не забывается никогда...

– Алло, это мистер Каховски? Здравствуйте, с вами говорит миссис Каннингэм. Я снова по поводу вашего сына Сэмюэля. Вопреки вашим заверениям, я не вижу никаких позитивных сдвигов в его поведении. Он по-прежнему дерзит учителям, а сегодня совершил хулиганский поступок...

– Что он опять натворил, миссис Каннингэм?

– Он принёс на урок к мистеру Даррвелу микрофон, соединил его со школьной трансляцией и включил, когда тот начал распекать ребят за невыполненное задание... Конечно, мистер Каховски, я согласна, что мистер Даррвел иногда позволяет себе недопустимые выражения, но есть же другие методы... Есть школьный совет, следовало обратиться туда или, в конце концов, написать жалобу на моё имя...

– Простите, миссис Каннингэм, но ведь вы были в курсе всего этого! И тоже обещали родителям, что это прекратится. Так какой же смысл писать вам жалобу?

– Ах, так вы его ещё и защищаете? Хорошо, тогда я вынуждена вам сообщить, что считаю невозможным даль-

нейшее обучение вашего сына в нашей школе. Будьте добры, подъедьте сейчас и заберите его. Все необходимые бумаги я подготовлю. Всего доброго!

Мистер Каховски положил трубку телефона и вышел в кухню к жене.

— Нэнси, — сказал он, — звонила директриса. Нашего парня снова выгнали из школы. Я еду туда.

Миссис Каховски без сил опустилась на стул.

— Боже, Уильям, ведь это уже третья школа... Его же больше нигде не примут...

— Значит, образование — это не для него, — раздражённо ответил муж. — Пойдёт продавать газеты, как его друг Эдгар.

— Ты его сильно не ругай, чего уж теперь-то...

— Ругать? — рассмеялся мистер Каховски. — Вовсе нет, Нэнси, даже не собираюсь! Я тебе потом расскажу, что он отмочил. Парень — молодец! Я бы до такого не додумался!

Мистер Каховски торопливо поцеловал жену и вышел. Через минуту со двора послышался шум мотора отъезжающей машины.

Сэм Каховски уже сорок минут сидел в запертом классе, как вдруг за дверью послышались взволнованные голоса, и в скважине повернулся ключ. В класс ворвалась перепуганная миссис Каннингэм, в дверном проёме показались встревоженные лица других учителей.

— Боже, Сэм, твой отец... он ехал сюда... там, рядом с ва-

шим домом идёт строительство... перевернулся автокран, и стрела упала на... твой отец как раз проезжал... Господи, Сэм, какое несчастье!... Мы сейчас отвезём тебя домой...

– Алло, миссис Каховски, это миссис Каннингэм. Ещё раз примите соболезнования... Я вот по какому поводу: я отменила свой приказ об отчислении Сэма... Пусть мальчик приходит в школу, когда немножко оправится от удара...

Я затушил второй окурок, набрал на клавиатуре дату и нажал кнопку «Start-up».

1.2

– Алло, это мистер Каховски? Здравствуйте, с вами говорит миссис Каннингэм. Я снова по поводу вашего сына Сэмюэля. Вопреки вашим заверениям, я не вижу никаких позитивных сдвигов в его поведении. Он по-прежнему дерзит учителям, а сегодня совершил хулиганский поступок...

– Что он опять натворил, миссис Каннингэм?

– Он принёс на урок к мистеру Даррвелу микрофон, соединил его со школьной трансляцией и включил, когда тот начал распекать ребят за невыполненное задание... Конечно, мистер Каховски, я согласна, что мистер Даррвел иногда позволяет себе недопустимые выражения, но есть же другие методы... Есть школьный совет, следовало обратиться туда или, в конце концов, написать жалобу на моё имя...

– Простите, миссис Каннингэм, но ведь вы были в курсе всего этого! И тоже обещали родителям, что это прекратится. Так какой же смысл писать вам жалобу?

– Ах, так вы его ещё и защищаете? Хорошо, тогда я вынуждена вам сообщить, что считаю невозможным дальнейшее обучение вашего сына в нашей школе. Будьте добры, подъедьте сейчас и заберите его. Все необходимые бумаги я подготовлю. Всего доброго!

Мистер Каховски положил трубку телефона и вышел в кухню к жене.

– Нэнси, – сказал он, – звонила директриса. Нашего парня снова выгнали из школы. Я еду туда.

Миссис Каховски без сил опустилась на стул.

– Боже, Уильям, ведь это уже третья школа... Его же больше никуда не примут...

– Значит, образование – это не для него, – раздражённо ответил муж. – Пойдёт продавать газеты, как его друг Эдгар.

– Ты его сильно не ругай, чего уж теперь-то...

– Ругать? – рассмеялся мистер Каховски. – Вовсе нет, Нэнси, даже не собираюсь! Я тебе потом расскажу, что он отмочил. Парень – молодец! Я бы до такого не додумался!

Мистер Каховски торопливо поцеловал жену и вышел. Через минуту со двора послышался его возмущённый голос: «О, чёрт!», затем он появился снова.

– Представляешь, Нэнси, какой-то мерзавец пропорол ножом моё колесо! И это прямо в нашем дворе! Что за наглость? Дай мне ключи, я поеду на твоей машине.

Миссис Каховски пошла за ключами, но в это время с улицы послышался страшный грохот. Супруги выбежали во двор.

– Что случилось, Фред? – крикнул Каховски соседу.

– Представляешь, Билл, кран упал! Это хорошо, что в этот момент на улице никого не было!

Миссис Каховски побледнела.

– Боже, Уилли, а если бы ты... – и она замолчала, не в силах продолжать.

Мистер Каховски согласно покивал головой, подошёл к воротам и выглянул на улицу.

– Придётся в объезд ехать, – сообщил он. – Иди в дом, Нэнси, холодно, простудишься!

Миссис Каховски послушалась его и через пять минут из кухни услышала шум отъезжающей со двора машины.

Моё имя – Сэмюэль У. Каховски; возраст – 32 года, неженат, профессия... а чёрт его знает... Гангстер – это профессия? Конечно, ни я, ни любой из наших парней так себя не назовёт. Спросите: «А чем вы занимаетесь?», и мы скажем: «На мистера Уилки работаем». А это то же самое и есть, только звучит приличнее.

Лично я на мистера Уилки работаю восемнадцать лет, мой друг Эдди немножко больше. Он меня с ним и познакомил. Когда меня в третий раз из школы выперли – и на этот раз окончательно – отец сказал, что образование – это не для меня, и чтобы я шёл работать. Ну, хотя бы, продавцом газет, как мой друг Эдди.

Эдди в первый же день объяснил мне, что газеты – это так, ерунда, много на них не заработаешь. Нужно ещё выполнять разные поручения мистера Уилки: сообщать ему, если что интересное на улице услышишь; на стрёме постоять, пока его ребята всякие дела обделывают; сбегать к кому-то передать что-нибудь. Я, конечно, согласился и до сих пор об этом не жалею. Он нам и тогда платил неплохо, а уж когда мы с Эдди и сами начали серьёзными делами заниматься, вообще прилично стало. Само собой, что при нашей профессии и под статью угодить недолго, но мистер Уилки обещал, что, в случае чего, от полиции откупит: они все у него в кармане.

А уж если не получится – всякое бывает – то и в тюрьме у нас такая жизнь будет, что получше, чем у многих на свободе. Я часто думаю: а хорошо, что меня тогда из школы выгнали...

...Ладно, наврал я всё. Если честно, то совсем не нравится мне моя жизнь. Это я просто себя уговариваю. Убеждаю, что всё у меня хорошо, ничего менять не надо. А попало бы что-то стоящее – бросил бы не задумываясь. Была у меня однажды ситуация, когда я уже, было, решился... но не случилось. Видно, не судьба. А дела наши, особенно те, которыми мы последнее время занимаемся, весьма не симпатичные.

Вот и сегодня вызывает мистер Уилки меня и Эдди и говорит:

– Ребята, тут надо бы ещё один домик к рукам прибрать. Старикашка там один живёт, больной весь, помрёт скоро. Так что много не предлагайте, пяти тысяч ему за глаза хватит. Поняли, о чём я толкую?

А чего не понять? Уже больше месяца по этому делу работаем. У мистера Уилки в мэрии свои люди имеются, они ему шепнули, что по этому району скоростная магистраль пройдёт, значит, цены на землю скоро до небес подскочат. Вот мы и ходим, убеждаем жителей домики свои продать. Доходчиво так убеждаем. Большею частью хлопот не бывает, люди понятливые там живут. Встречаются, конечно, и непонятливые, но все они почему-то очень небрежно с огнём обращаются. Откажутся дом продать, а он в первую же ночь – бац! – и сгорел. Всякое ведь бывает: окурок, там, непотушен-

ный бросят или ещё чего.

Взяли мы у мистера Уилки адрес и поехали. Смотрим, домик большой, земли много занимает. Заходим – пусто везде. В одну комнату зашли, в другую – нет никого. Потом какое-то шарканье послышалось. Видим, старик древний по лестнице сползает. Эдди как увидел его, присвистнул и говорит:

– Ну, с этим клиентом возни много не будет. Вот что, Сэм, ты у нас уж очень чувствительный, тебе лучше не видеть, как я с ним разговаривать буду. Иди пока дом осмотри, а я тебя потом позову.

Мне и, правда, некоторые методы Эдди не нравятся. А что делать? Я же не в школе хороших манер преподавателем работаю, тут замечания неуместны. Пошёл я комнаты смотреть. Удивительно мне стало: их целых восемь штук, но не видно, чтобы хоть какая-то из них детской была. Вообще никакого намёка на детей. А сам старик, похоже, наукой занимается: кабинет есть, и книжек научных там полно. Ну, ещё кухня, гостиная, спальня... Только я последнюю осмотрел, Эдди заходит.

– Ну, – говорит, – всё в порядке. На трёх тысячах сговорились. Сейчас я его к нашему юристу отвезу, а ты пока здесь побудь, чтобы никто не влез. Своруют что-нибудь, ищи их потом...

– Брось, – говорю, – Эдди, отдай старику пять! Нужна тебе такая мелочь! А ему пригодится.

Но посмотрел на него и рукой махнул: делай, как знаешь!

Эдди со стариком уехали, а я от нечего делать в подвал спустился. Вот здесь меня кое-что заинтересовало. Агрегат у него какой-то стоит, видно, что сам делал. Я походил, посмотрел, потом к какому-то пульту подошёл, в кресло сел. Вижу, тетрадь лежит. Дай, думаю, полистаю пока, Эдди ещё очень скоро вернётся. Начал читать, и у меня глаза на лоб полезли: старичок-то машину времени изобрёл! Вот это да! А вдруг она ещё, не дай Бог, работает! А что, от таких всего можно ожидать.

В тетради этой инструкция оказалась. И до того понятно там всё написано, что у меня аж внутри загорелось: попробовать, думаю, что ли? И уже понял, что попробую обязательно, не каждый ведь день с таким сталкиваешься. Куда отправиться – вопросов не было. 17 февраля 1994 года 17 часов 15 минут. Я нервно закурил и задумался. Одиннадцать лет прошло, а это до сих пор у меня перед глазами. Вряд ли вообще когда забуду.

– Сэм, нам нужно срочно встретиться! – по тому, как дрожал в трубке голос Энни, Сэм понял, что она действительно хочет сказать ему что-то важное. – Давай в двенадцать часов в кафе «У Ричарда»...

– Энни, – послышался голос матери, – газовая компания прислала последнее предупреждение. Я заняла денег у миссис Грэхэм, съезди, оплати этот проклятый счёт.

– Мама, я не могу... Сэм, не уходи никуда, я тебе сейчас

перезвоню... Мама, это же очень далеко, я не могу сейчас! Давай, я съезжу завтра?

– Завтра они отключат газ. Ты что, хочешь замерзнуть без отопления?

– Ну, хорошо, я съезжу... Сэм, в двенадцать не получится, давай в пять? Ну, договорились...

– Энни, выходи за меня замуж... – голос Сэма дрогнул.

Они сидели за столиком в кафе друг против друга, он держал её за руку, а она, как всегда прекрасная, – нет, сегодня ещё прекраснее, чем всегда! – улыбалась ему. «Любит! Сейчас согласится! А вдруг – нет»?

– Я выйду за тебя, Сэм. Но – это я тебе и хотела сказать – только если ты бросишь работать на этого Уилки. Мне всё равно, кем ты будешь – хоть мусорищиком – я выйду за тебя замуж, потому что люблю. Но я никогда не выйду замуж за бандита, Сэм. Я не хочу быть женой бандита, и мои дети не будут детьми бандита. Брось его, Сэм! Если ты меня любишь, ты сделаешь это. Что ты молчишь?

– Энни... Энни... – Сэм смотрел на неё жалкими глазами и был здорово напуган и несчастен, – поздно... Два часа назад я дал клятву, и меня приняли в Семью... Теперь меня уже никто не отпустит... Энни, но может быть...

Он замолчал. А она, опустошённая и поникшая, отняла у него свою руку, сдавленным голосом сказала: «Прощай, Сэм!» и пошла к выходу. У неё была потрясающая фигура и походка, когда она шла по улице, ни один мужчина не мог

оторвать от неё взгляда, а сейчас она шла, сгорбившись и сутулясь, переставляла ноги, как попало, но Сэм знал, что от него навсегда уходит самая красивая в мире девчонка, и ничего не мог поделать с этим...

Я жадно сделал две последние затяжки, бросил окурок прямо на пол, набрал на клавиатуре «17 февраля 1994 года 9 часов 00 минут» и нажал кнопку «Start-up».

2.1

– Сэм, нам нужно срочно встретиться! – по тому, как дрожал в трубке голос Энни, Сэм понял, что она действительно хочет сказать ему что-то важное. – Давай в двенадцать часов в кафе «У Ричарда»...

– Энни, – слышался голос матери, – газовая компания прислала последнее предупреждение. Я заняла денег у миссис Грэхэм, съезди, оплати этот проклятый счёт.

– Мама, какое ещё предупреждение? Вот же счёт – оплаченный. Я достала его из почтового ящика... Сэм, ну, ты понял? В двенадцать!

Моё имя – Сэмюэль У. Каховски; возраст 33 года, женат, двое детей, профессия – строительный разнорабочий. Я не всегда им был. После того, как меня выгнали из школы, торговал газетами на улице, потом... как бы это помягче сказать... на одного мафиози работал – вовремя ушёл. А потом кем только не был: и грузчиком, и шахтёром в подземке, и дорожным рабочим, пока вот на строителе не остановился. Это, думаю, уже окончательно. А что? Работа мне нравится. Тяжёлая, конечно, иногда ведь и кувалдой приходится работать, стены старых домов обрушивать – прямо, как в камне-ломне, – но я не жалуюсь. По мне так лучше в поте лица свой хлеб добывать, чем в поисках лёгкой наживы по городу рыскать. А самое главное – результаты своего труда потом реально видишь. Идёшь по городу – вот он, супермаркет, тобой построенный; вот она, магистраль – тоже ты прокладывал. Сейчас, кстати, мы как раз ею занимаемся. Почти всё уже готово, осталось всего один дом снести.

Наряд на него мы утром получили. Пока наши ребята на предыдущем объекте кое-какие хвосты подчищали, мы с Барни туда пешком отправились. Погода хорошая, а до дома этого – минут пятнадцать пешего хода. Идём, болтаем, только я вижу, Барни грустный какой-то.

– В чём дело, – спрашиваю, – не выспался, что ли, или

опять Сэм, тёзка мой, что-то в школе натворил?

– Да нет, – говорит, – просто я этот дом знаю, да и с хозяином был знаком – мы раньше в этом квартале жили. Гордоном Везером хозяина звали. Мастер хороший был: если, там, утюг или телевизор сломается, мы сразу к нему шли. Вообще-то, говорили, что он, якобы, учёный был, но так это или нет – не знаю. Знаю только, что вечно он что-то мастерил, а когда жена его умерла, так совсем из подвала не вылезал.

– А почему – был?

– Умер он два месяца назад. В психиатрической клинике. Говорят, его туда ребята мистера Уилки пристроили. Наверняка дело нечистое: за пару часов до того, как его в психушку отвезли, он свой дом мистеру Уилки продал. Как и мои родители, кстати.

И он замолчал. Ну, и я тогда тоже. Положим, мне до этого Гордона Везера дела никакого нет, в жизни его не видел, но раз мой друг Барни переживает, то и мне веселиться не резон.

Подошли мы вот так, в молчании, к дому, а нас там уже инженер наш, мистер Кроуфорд, поджидает. Похоже, он давно уже здесь и всё осмотреть успел.

– Сэм, – говорит он, – я, пожалуй, подрывников вызывать не буду. Ничего сложного тут нет, может, сами справитесь?

Я опытным глазом на дом глянул и кивнул.

– Конечно, мистер Кроуфорд. Мы таких домов целую кучу повалили. Сунем в подвал четыре стандартных заряда, –

он и сложится. Пусть только нам компрессор с отбойными молотками подгонят, а мы с Барни сами и шпуры сделаем, и рванём.

– Насчёт компрессора я уже распорядился, минут через десять будет. Так что действуйте. Но только вдвоём не взрывайте, дождитесь, когда мы подъедем.

Сказал – и укатил.

– Ладно, Барни, – говорю я, – ты дожись компрессора и готовь его к работе. А я в подвал спущусь, посмотрю там, куда заряды сунуть.

Барни мне руку благодарно пожал, понял, что я сообразил, что тяжело ему в этот дом с таким делом идти. А я повернулся и пошёл, а сам думаю: пусть Барни вообще туда не лезет; что я – четыре шпура не сделаю, что ли?

Прошёл я через комнаты, вижу, вся мебель вывезена, одни голые стены остались. Ну, ещё мусор, конечно, разный. Включил я фонарь на каске, спустился в подвал. Ещё издали заметил, что агрегат какой-то здесь есть. Подошёл поближе – и усмехнулся. Стоит возле стены обыкновенный платяной шкаф, а в нём, как в настоящем электрическом шкафу, схемы разные на листах из фанеры собраны. Явно работа этого самого Гордона Везера. Не стоит, конечно, Барни расстраивать, но, судя по всему, не зря хозяин в психушку попал. Не верится мне, что вот так тяп-ляп можно что-то серьёзное сделать.

Посветил я ещё фонарём и пульт увидел, а возле него

кресло стоит. Подошёл, сел в кресло, смотрю: тетрадь на пульте лежит. Не иначе, думаю, инструкция по эксплуатации этого прибора. Так и оказалось. Закурил я сигарету, открыл тетрадь – с ума сойти! Я даже непроизвольно с этой тетрадью чуть к выходу не помчался – Барни показать, чтобы поржать вместе, да вовремя вспомнил. Не поверите: по мнению хозяина, это «Контур для передвижения во времени»! Бросил я тетрадь обратно на пульт, сижу, курю. А обстановка – прямо, как в фантастическом фильме. Представьте, почти темнота, только мой фонарь светит, а из этой темноты очертания какой-то загадочной машины проступают. Фантазии мне всякие в голову полезли. А что, думаю, если это и в самом деле машина времени? Что бы я сделал? Конечно бы, в будущее рванул, чтобы посмотреть, кем сын с дочкой станут. Хотя я это и без Контура знаю. Сын уже сейчас на трёх языках говорит, даже русский знает, а дочка... Ну, как вы думаете, если папа – строитель, то кем дочка должна быть? Вот именно, архитектором. Правда, убедиться бы в этом не мешало...

Я стал внимательно рассматривать пульт, но в это время через вентиляционный люк Барни мне крикнул:

– Сэм, заснул? Ты работать сегодня собираешься?

– Собираюсь, – крикнул я, – пихай сюда молоток, шпурсы я один сделаю! Ты там лучше за компрессией следи!

Ни к чему, думаю, ему видеть, что у Гордона Везера и в самом деле крыша съехала.

Пробил я четыре шпура, сходил наверх, принёс заряды, вставил их, а тут и ребята наши подъехали. Мистер Кроуфорд не удержался, самолично всё проверил – я даже обиделся. Правда, когда он потом ко мне подошёл и сказал: «Отлично, Сэм!», я оттаял.

Всё получилось, как было задумано. Рванули заряды, и сложился домик не хуже карточного. Ну, и пошла работа: стали краном плиты растаскивать, мусор экскаватором в самосвалы грузить... Не заметили, как рабочий день к концу подошёл.

– Слушай, Сэм, – сказал мне Барни, когда мы уже собирались домой, – ну, пойдём с нами хоть разик, в баре посидим, пива попьем?

– Нет, – помотал я головой, – не могу. Меня ждёт Энни.

– Собрались, что ли, куда-то или гости придут?

– Да нет, – сказал я, – никуда не собрались. Просто она меня всегда ждёт. Каждый день.

Чудеса в провинции

Последние двадцать минут движение поезда напоминало поведение разведчика во вражеском тылу. Он продвигался, практически, ползком, время от времени останавливаясь, словно проверяя, можно ли проползти ещё немного или лучше затаиться и переждать.

Андрей раздражённо курил в тамбуре. В принципе, он не спешил, но сам процесс такого передвижения был ему неприятен. До города, где жили родственники жены и куда он направлялся, оставалось ехать часа два – если с нормальной скоростью; такая же езда грозила растянуться на неопределённое время. Железная дорога в этом месте делала крутой поворот, и Андрей в окно видел городок, станция которого не желала пропускать через себя их поезд. Выглядел городок довольно симпатично: небольшие домики – ни одной многоэтажки – уютно расположились в зелени деревьев. От всего этого веяло какой-то патриархальностью и неспешностью, основательностью жизни. Он вдруг почувствовал желание сойти с поезда и именно здесь выполнить задание редакции. Провожая его в отпуск, редактор сказал, что раз уж он едет в глухую провинцию, то будет неплохо, если он напишет что-нибудь о том, как там живут люди и как они справляются со своими проблемами. В том, что проблем у них много, редактор не сомневался, а слово «справляются»

следовало отнести на счёт его оптимистичной натуры.

Уже показалась станция, а Андрей всё ещё размышлял, как поступить: сойти здесь или ехать дальше. Началась платформа, и он с изумлением прочитал название городка: «Нетаккаквездегородск»! Намётанный журналистский глаз тут же разделил чудовищное слово на смысловые группы: «Не-так-как-езде-городск»! Не веря глазам, он с нетерпением стал ожидать, когда покажется сам вокзал. Наконец, выплыл и он – всё точно! Над входом в одноэтажное здание красовалась надпись, подтверждавшая название. И тут он увидел такое, от чего внутри что-то приятно ёкнуло, и его журналистская интуиция подсказала, что уж если писать материал, то именно здесь: справа от входа на белой стене гудроном, коряво и большими буквами, было написано: «Город дураков». Возле надписи суетились двое рабочих. Один разводил извёстку, второй насаживал на длинную палку скребок.

Андрей решительно бросился в своё купе, схватил сумку, торопливо попрощался с попутчиками и бросился к выходу, на ходу вытаскивая фотоаппарат. Неожиданное осложнение получилось, когда он сказал проводнице Танечке, что хочет выйти здесь и попросил отдать ему билет. Та, по-видимому, была глубоко убеждена, что пассажир *обязан* ехать до станции, указанной в билете; ни ехать дальше, ни выйти раньше он не имеет права, так как главное всё-таки билет, а пассажир – всего лишь приложение к нему. Андрей начал

орать, и напуганная Танечка вернула-таки билет, при этом на её лице было написано убеждение в том, что совершает тяжкое должностное преступление, за которое можно и с работы вылететь.

Андрей выскочил в тамбур, подгоняя перед собой упрямо-степенно идущую проводницу. Оказалось, что выходит он один, и это было хорошо. Однако, поезд, хоть и очень медленно, но продолжал движение, увозя его всё дальше от здания вокзала, с фотографии которого и следовало начинать всю работу. Наконец, поезд всё-таки остановился, и проводница Танечка, нарочито не торопясь, открыла дверь и опустила лестницу. Андрей опрометью кинулся к вокзалу.

Ему повезло: к точке фотографирования он успел как раз тогда, когда один из рабочих только начал сдирать скребком надпись. Лучшего момента не могло и быть, даже если бы ему специально позировали. Убедившись, что в кадр влезают и обе надписи, и рабочий, Андрей сделал-таки желанный снимок. Ему продолжало везти: никто этого не заметил. Оба рабочих были здоровыми мужиками, и начинать пребывание в городе с осложнений не хотелось.

Он спрятал фотоаппарат в сумку, перевёл дыхание и расслабился: теперь можно было не торопиться. Пройдя через здание вокзала, он вышел на небольшую вокзальную площадь и с интересом огляделся по сторонам. Людей было немного и выглядели они обычно, ничем внешне не оправдывая весьма неординарное название города. С площади от-

ходили две улочки. Присмотревшись, Андрей увидел, что одна из них выглядит более оживлённой, следовательно, и более перспективна в отношении знакомства с городом.

Интуиция и тут его не подвела. Пройдя с пяток домов, среди которых оказался небольшой магазинчик, где он взял бутылку пива, Андрей остановился, ошеломлённо вытаращив глаза. Над дверями следующего здания он увидел обычную с виду вывеску, на которой, однако, было написано: «Ремонт вечных двигателей» и чуть пониже мелким шрифтом: «Гарантия шесть месяцев». Придя в себя, он сфотографировал и это и забеспокоился: судя по началу, оставшихся на плёнке кадров могло и не хватить. Журналистская же часть его натуры пела в это время восторженную песнь. Материал обещал быть не только объёмным, но и сенсационным.

Было ясно, что лучшего места для начала работы над ним и пожелать невозможно. Отбросив в сторону недопитую бутылку, он решительно открыл двери и вошёл внутрь. Внутри помещение ничем не отличалось от, скажем, мастерской по ремонту холодильников, стиральных машин или телевизоров. Сразу за дверью был небольшой, но высокий прилавок, дальше, в глубине, тянулись вдоль стен столы, заваленные разными деталями; возле двух из них стояли два вращающихся кресла. На одном сидел довольно пожилой мужчина, который, повернувшись лицом к двери и слегка поворачиваясь из стороны в сторону, меланхолично жевал бутер-

брод с колбасой.

– Здравствуйте! – сказал Андрей, лихорадочно обдумывая, с чего бы начать разговор.

– Обеденный перерыв! – приветствовал его, в свою очередь, мужчина, продолжая жевать. – Да хоть бы и не обед, приём двигателей в ремонт временно прекращён: слишком много работы скопилось.

Такое начало Андрея очень обрадовало: теперь можно было самым естественным образом задать несколько вопросов, не вызывая подозрений. Решено, он – клиент.

– И чего они так часто ломаются-то? – спросил он, стараясь произнести это с досадой. – Вечные ведь!

Мужчина посмотрел на него более внимательно.

– А вы приезжий, – сказал он отнюдь не вопросительно, а, скорее, утверждающе.

– Приезжий, – признался Андрей.

– Тогда вам, конечно, интересно, – согласился тот. – У вас-то там ничего подобного нет. Вы ведь даже думаете, что такое в принципе невозможно.

– Думаем, – не стал отрицать Андрей. – А вы не могли бы... ну, просветить меня немного в этом плане?

Разговор явно начинал клеиться. Мужчина вытер руки тряпкой, лежащей на столе, взглянул на настенные часы и подошёл к прилавку.

– Дядя Петя, – представился он, протягивая руку. – Есть у меня пятнадцать минут, давайте, спрашивайте.

– Так я, собственно, уже спросил: какой же он вечный, если ломается?

– А ты божий дар с яичницей не путай, – усмехнувшись, перешёл на «ты» дядя Петя. – Ну, скажи мне, что такое вечный двигатель?

– Ну, это такой, который работает без всякой энергии и не останавливается, – сказал Андрей, порывшись в своих школьных знаниях по физике.

– Верно, – кивнул дядя Петя, – так всё оно и есть, да вот только комплектующие – дерьмо! – он сплюнул и выругался. – У нас своего завода нет, приходится у вас покупать. Из чего вы их там у себя делаете? То шестерня полетит, то вал застучит, то привод сломается. Какая уж тут вечная работа!

Он досадливо махнул рукой, и Андрей из всего этого заключил, что средней надёжности вечный двигатель может работать без ремонта от силы месяц.

– Простите, – немного помешкав, сказал он, – вы, пожалуйста, не обижайтесь, я не то, чтобы не верю... но всё-таки... не могли бы вы показать мне какой-нибудь? Который работает, – добавил он поспешно.

– Да нет проблем! – дядя Петя откинул крышку прилавка и приглашающе махнул рукой. – Мы из этого тайны не делаем, в разумных пределах, конечно.

Они прошли через всё помещение, и дядя Петя открыл небольшую дверь за перегородкой. Андрей услышал негром-

кий шум работающего двигателя. На специально оборудованном железном столе, скорее даже, стенде для обкатки, стояло нечто, формой и размерами напоминающее кухонный комбайн, только раструб был направлен не вверх, а параллельно плоскости стола и постоянно поворачивался в разные стороны, напоминая движениями работу локатора. От основания «комбайна» отходил кожух, из отверстия в котором выходил вращающийся вал. Андрей всё внимательно осмотрел и даже заглянул под стол: нигде не было видно никаких проводов, которые могли бы подводить электропитание, а диаметр вала и скорость его вращения отменяли любую мысль о батарейке; аккумулятор же, ввиду небольших размеров агрегата, разместить было попросту негде.

– Ну, а что он может делать?

– А это зависит от того, какую насадку ты на него поставишь. Поставь циркулярную пилу – можешь доски пилить, повернёшь, – дядя Петя развернул кожух на 90 градусов, при этом послышался щелчок, и кожух зафиксировался, – можно бетон размешивать или, скажем, тесто для пирогов. Короче, всё, что душа пожелает, меняй только обороты на редукторе.

– Дядя Петя, а всё-таки, как же он работает? Ну ведь должна же быть какая-то энергия?

Дядя Петя посмотрел на часы и заторопился.

– Извини, некогда мне: перерыв заканчивается. Ты вот что: если интересуешься, найди Колюню, тот тебе всё расскажет, всё равно целыми днями ничего не делает. И най-

ти его просто: пойдёшь дальше по улице, он, наверняка, как всегда возле дома на скамейке сидит да семечки лузгает.

И он сделал недвусмысленный жест рукой: давай, мол, на выход, не мешай!

– Дядя Петя, – взмолился Андрей, – ещё один вопрос. как же вы эти двигатели ремонтируете, если они никогда не останавливаются, на ходу, что ли?

– Это самое трудное, – согласился дядя Петя, выпроваживая Андрея. – Напарник мой обладает, как бы вы сказали, экстрасенсорными способностями. Усилием воли может затормозить двигатель на несколько секунд, а я за это время должен успеть всю кинематику отсоединить. Ну, ладно, иди, мне работать надо.

После того, как дядя Петя отказался объяснить, как всё-таки работает вечный двигатель, у Андрея сложилось убеждение, что его просто дурачат. Наверняка, проводка проложена внутри стола, и её просто не видно. А дядя Петя, поди, про себя сейчас хохочет и думает, что провёл его, как последнего лоха. А потом ещё и напарнику расскажет. И Андрей решил дать ему понять, что не купился на его рассказы.

– Дядя Петя, – ехидно улыбаясь, спросил он, – а Машины Времени вы тоже ремонтируете?

– А чего их ремонтировать-то? – удивился дядя Петя. – Там и ломаться-то нечему: кинематики никакой, а если что из электроники вылетает, так то другие ремонтируют. Не разбираемся мы с Егором в электронике, – вздохнул он.

Андрей не нашёлся, что и сказать. Постоял некоторое время с застывшей дурацкой ухмылкой на лице, потом спохватился, привёл лицо в естественное состояние, попрощался и вышел на улицу. Некоторое время он пытался осмыслить всё увиденное и услышанное и понять, что из этого правда, а что нет. Затем его мысли приняли другое направление. Материал для статьи, ещё недавно так радовавший его, грозил обернуться полным пшиком: хорошо, если это не больше, чем остроумный розыгрыш, такая деталь статью только украсит. А если правда? Кто такому поверит и кто такое напечатает? Он почувствовал соблазн не выяснять, так это или нет, а просто зайти в администрацию или что тут у них, поспрашивать о проблемах города и сделать тем самым заказанную статью, а всё остальное поместить как свидетельство того, что жители обладают своеобразным чувством юмора. И материал тогда пройдёт на «ура», и всё будет хорошо. Однако, он тут же устыдился таких недостойных настоящего журналиста мыслей. Так ничего и не придумав, он поравнялся с домом, возле которого на скамеечке сидел мужчина лет пятидесяти, невысокий, худенький и плешивый, и со скучным видом лузгал семечки. По всему выходило, что это и есть Колюня.

– Здравствуйте, – сказал Андрей, подходя и садясь рядом.

– Приезжий? – спросил тот. По-видимому, в этом городе не было принято отвечать на приветствие. – Петька, небось, ко мне направил? Иди, мол, к Колюне, он тебе всё расскажет,

всё равно целыми днями бездельничает? Ему хорошо так говорить, у него вон какая профессия – никогда без работы не останется. Так же, как и эта, – кивком показал он на другую сторону улицы, где стоял обыкновенный с виду домик.

По всем приметам это был жилой дом: на окнах висели «домашние» занавески, и вход был не с тротуара, а со двора. На углу дома, однако, висела вывеска:

Марта Хевронская

Лечу от телекинеза

Ветераны войны и военнослужащие принимаются без очереди!

– В каком смысле – от телекинеза? – спросил вновь ошарашенный Андрей.

– В прямом, – пожал плечами Колюня.

– Постойте, но ведь телекинез – это способность телепатически перемещать предметы на расстоянии?

– Точно.

– То есть, – Андрей даже покраснел от раздражения: похоже, дядя Петя и Колюня работают в паре, – вы хотите сказать, что владеете телекинезом?

– Я? – испуганно вздёргнулся Колюня. – Упаси Боже! Два года назад она, – он снова кивнул на дом, – меня вылечила, дай Бог ей здоровья!

– Не понимаю, – хмыкнул Андрей, – зачем от этого лечиться? Ведь это – дар Божий или чей там? Это же просто здорово – уметь такое!

– Так-то оно так, – согласился тот, – это пока ты бодрствуешь и себя контролируешь. А только спать лёг – тут-то всё и начинается. Увидишь во сне какую-нибудь хреновину, проснёшься – а она уже тут! Пришёл, скажем, в гости к соседу, тот похвастался, допустим, новой моделью антигравитатора, ты подумал: вот бы мне такую, а утром она уже у тебя дома стоит! Ну, несёшь, понятное дело, её назад, извиняешься. Хорошо, у нас люди такие – понимающие: с каждым ведь случается, так что не обижаются. Да если бы только это! А то вот со мной случай был. Посидели как-то с кумом, выпили крепко, а я, когда домой пришёл, ещё пару бутылок пива засадил, так не поверишь: когда проснулся, возле кровати шестнадцать унитазов насчитал! Полдня потом бегал, выяснял, какой откуда! Мало того – я ж их с корнем повыдираю, пришлось потом на место устанавливать, трубы менять – ужас!

– Ужас, – согласился Андрей, решив до поры до времени не обращать внимания на слова про антигравитатор, – а почему ветераны и военнослужащие без очереди?

– Не понимаешь? – удивился Колюня. – Так им же до сих пор война снится! Константин Григорьевич, вон, пока к Марте не ходил, каждое утро с автоматом в руках просыпался! Так хорошо ещё, что он их из музеев телепортировал – ему же ППШ снился! А ну, как попался бы настоящий да с боекомплект? Во сне ведь недолго и на спусковой крючок нажать. Баба у него в то время дома и не ночевала:

всё в бане или у соседей. А внучок к нему в гости приехал, офицерик молодой, в ракетных войсках служит, так у того... Да что там, даже вспоминать страшно!

– А откуда у вас всё это: вечные двигатели, Машины Времени, телекинез?

– Да это всё просто, – махнул рукой Колюня, – мы тут у себя некоторые законы физики отменили, ну, там, Второй и Третий Ньютона, Первый и Второй термодинамики, ещё кое-какие...

– Как это – отменили?

– Как положено: на референдуме. Мы как раз референдум проводили по поводу изменения названия города – раньше он Лошадиная Падь назывался, – ну, кто-то и предложил заодно и законы изменить – физические, имеется в виду. А наш мэр – он физтех заканчивал, – сразу за это предложение ухватился и сказал, что как специалист может подтвердить, что почти все физические законы очень вредные, кроме закона тяготения, конечно. Всякие там сопротивления, противодействия... Ну, мы и отменили, спецам ведь надо доверять, они ведь для этого и учились. Вот с тех пор так у нас всё и покатилося. Одно плохо: метеориты у нас на город целыми падают; сила трения-то отсутствует, вот они, сволочи, и не сгорают в атмосфере. Но это редко случается, да и службы оповещения нормально работают, так что риск минимальный. Ну, а в остальном после отмены всё намного лучше стало. Да, – спохватился он, – забыл предупредить:

купаться у нас нельзя – утонешь сразу. Выталкивающая сила-то тоже не действует. Так что не вздумай!

– Подождите, – поморщился Андрей, – то есть, если я вас правильно понял, достаточно было вашего решения на референдуме, чтобы физические законы на территории вашего города перестали действовать?

– А как иначе? – снова удивился тот. – Как народ решит, так и будет. Против него ни одна сила не устоит. Это, помо-ему ещё Ленин сказал, а может, кто-нибудь другой, неважно. Главное – правда.

Андрей не знал, как ему на всё это и реагировать: верить – не верить, рассмеяться – разозлиться... В конце концов он решил, что не будет торопиться с выводами. Надо ещё походить, посмотреть, а там видно будет. Но для начала стоило сфотографировать и вывеску про телекинез. Однако, он не хотел делать этого при Колюне: мало ли, узнает, что корреспондент – слова из него потом не вытянешь. Значит, надо под каким-то предлогом его отсюда удалить.

– Извините, – сказал он, – вы не могли бы дать мне что-нибудь попить: в горле уж что-то пересохло.

– Да ради Бога!

И он протянул невесть откуда взявшуюся в его руке чашку с водой. Андрей изумлённо уставился на неё, тогда-то дошло и до Колюни.

– А-а-ай!... – заголосил он. – Вылечила, называется! Опять началось, двух лет не прошло! Ну, ладно, – резво

вскочил он со скамейки, – ты меня, зараза, без всякой очереди примешь! А я-то её ещё расхваливал! Ну, подожди, ты у меня получишь, это что – работа, считается?

И он быстрым шагом направился через улицу, ругаясь на ходу и размахивая руками. Андрей в раздумье достал фотоаппарат, щёлкнул дом Марты Хевронской, отдельно вывеску и побрёл потихоньку по улице, размышляя, что делать дальше. Пожалуй, лучший вариант – зайти в администрацию, предъявить журналистское удостоверение и напрямую спросить, что тут у них происходит. Всё-таки в администрации официальные лица, а не какие-нибудь дядя Петя с Колюней, они не будут лапшу на уши вешать. Хотя, может быть, всё это и правда, эта вот чашка с водой – откуда она взялась? А с другой стороны, когда лузгаешь семечки, во рту всё пересыхает, может быть, он её заранее принёс, а потом давай комедию разыгрывать. И побежал он не к Марте, а к дяде Пете, сидят сейчас вдвоём и хохочут над ним. Так, а вывески? Их что, тоже для него повесили? Нет, ерунда какая-то!

Андрей помотал головой, прогоняя мысли, которые кроме тупика никуда его не приводили. Тут он отметил, что на улице неправдоподобно мало народу даже для такого небольшого городка: сзади вдалеке виднелись две какие-то фигуры да навстречу шла бабулька с палочкой, и больше – никого. «Интересно, – подумал он, – где все люди»?

– Так на работе они, милоч, – сказала бабулька, поравнявшись с ним. – Кто на работе, а кто дома делами занимается.

У нас, кроме Колюни, никто не бездельничает!

– О Господи! – испугался Андрей. – Так у вас здесь и мысли читать могут? А это-то с каким законом физики связано?

– Про закон ничего сказать не могу, – остановилась она, – не знаю я их. А насчёт остального не беспокойся: я такая во всём городе одна, все другие давно вылечились. Тяжело ведь это, мало своих мыслей, так ещё и чужие весь день в голове: бум-бум! бум-бум! Я бы тоже от этого избавилась, да выхода нет: оглохла лет пятнадцать назад, ничего не слышу, вот и приходится терпеть! Так что, если ты поговорить со мной хочешь, можешь языком зря не молоть – думай себе, и всё. А про администрацию ты правильно решил: сходи, поговори, они люди грамотные, всё тебе и объяснят..

Но такой разговор пугал Андрея своей необычностью.

– Спасибо вам большое, но я очень тороплюсь, извините, – сказал он всё-таки вслух и поспешно направился дальше.

Но уже через пару шагов обернулся и спросил:

– А это точно, что кроме вас мысли читать никто не может?

– Точно, точно, – заверила бабуля, – можешь не сомневаться! Только ты в администрации-то всё-таки не говори, что корреспондент, а то начнут пыль в глаза пускать: мы, мол, и так, и эдак... Скажи лучше, что просто интересуешься. Вот сейчас на первом же перекрёстке направо свернёшь, там тебе и будет администрация, – опередила она следующий

его вопрос.

Андрей поблагодарил и пошёл. Ну и город, думал он, от всего этого свихнуться можно. Двигатели у них вечные – ну, почти вечные, только ремонтируй вовремя, – на Машинах Времени разъезжают, предметы передвигают, так вот ещё – и мысли читать могут! Тут он вспомнил про бабулю и опасливо подумал: а на каком расстоянии действуют её способности?

– С полкилометра примерно! – услышал он сзади и ещё прибавил шаг.

На перекрёстке он свернул направо и увидел невдалеке двухэтажный дом, перед которым был разбит газон с цветами, а возле подъезда росли две небольшие, но очень симпатичные ёлочки. Наверняка это и было здание администрации.

В это время над его головой пронеслась какая-то тень. Андрей поднял голову и увидел, что прямо над ним на высоте около пяти метров летит мужчина. Летел он очень необычно: тело было расположено не параллельно земле, а находилось в привычном вертикальном положении. На спине у мужчины был какой-то прибор, крепившийся наподобие рюкзака при помощи лямок. «Антигравитатор», – без энтузиазма подумал Андрей и даже не дёрнулся за фотоаппаратом, такая глубокая апатия им овладела. Заметив, что Андрей смотрит на него, мужчина подмигнул, нажал на лямке какую-то кнопку, после чего скорость резко возросла, и он быстро скрылся

из глаз.

«Значит, закон тяготения они тоже немного изменили, – вяло подумал Андрей, – раз он не действует не повсеместно – иначе бы они все улетели на небеса, – а только с помощью прибора». Тут он усмехнулся и подумал, что уже верит всему, что здесь увидел. Да и как тут не поверишь? Он нервно закурил и стал вспоминать, куда же он идёт. Ах, да, в администрацию! Но пройдя ещё несколько метров, понял, что никуда уже идти не хочет, до того ему всё здесь надоело. Какая ещё администрация? Вокзал, только вокзал! Бежать отсюда к чёртовой бабушке! Вернее, к тётке, что, впрочем, почти одно и то же. (Он не сомневался: то, что его тётка пока ещё не чёртова бабушка, всего-навсего вопрос времени). «А как же статья? – подумал он. – А, ерунда, напишу про тётчин город, он ненамного больше, тоже – провинция»!

Андрей резко развернулся и почти бегом направился в обратную сторону. По пути ему пришлось обогнуть уже знакомую бабулю.

– Зря это ты, милоч, – осуждающе сказала она, – побыл бы у нас немного, сам бы научился все такие штуки делать! Глядишь, ещё и насовсем бы к нам переехал. А что жена? – ответила она на его мысленный вопрос, – уж мысли-то читать ей бы, точно, понравилось! У нас поначалу каждая женщина этим увлекается!

Он почти бежал, а сзади доносилось:

– А про тётку свою ты напрасно так думаешь! Зинаида

Степановна правильная женщина, хотя и строгая!

Стараясь заблокировать свои мысли от чтения, Андрей начал довольно громко напевать самую пошлую песенку, какую только знал – «Муси-пуси». Бабуля резко замолчала, и он впервые с теплом подумал про Катю Лель.

На вокзале он узнал, что по расписанию ни один поезд сегодня здесь останавливаться уже не будет. Андрей стал всерьёз подумывать о том, чтобы пойти пешком, но тут его неожиданно обрадовал дежурный по станции, который, по-видимому, понял его состояние и проникся жалостью.

– Через десять минут будет проходящий, – сказал он, – я вам помогу сесть.

– А как – на ходу? – спросил Андрей, подумав, что тот собирается каким-то образом телепортировать его внутрь вагона.

– Да нет, – рассмеялся дежурный, – просто к нашей станции все поезда подъезжают осторожно-осторожно, боятся: а вдруг, мы и закон тяготения отменили? А по самой платформе так ползут, что пешком обогнать можно!

Всё произошло так, как он и говорил. Они прогулочным шагом шли рядом с вагоном и неспешно уговаривали девушку-проводницу. Узнав, что ехать ему всего пару часов, она не стала возражать. Позже, уже в вагоне, Андрей то и дело прокручивал в памяти всё пережитое и никак не мог решить: правильно он поступил или нет.

К родителям жены он приехал в восемь вечера. Тёща

строого спросила, где это он так задержался. Минут пять Андрей плёл про задание редакции, которое, якобы, выполнил, и только тогда она отошла в сторону, освободив проход в квартиру. Тесть ему шумно обрадовался.

– Андрюха, ну, наконец-то! – сказал он. – А я жду – не дождусь! Пойдём на кухню, покурим, пока Зина на стол собирает!

Правда, очутившись на кухне, он поменял планы.

– Давай-ка мы с тобой тяпнем немного, а то пока она там всё приготовит! – сказал он, доставая две стопки и сооружая лёгкую закуску.

Андрей раздумывал, рассказать ему про Нетаккаквездегородск или не стоит? Тесть тем временем подошёл к водопроводному крану, открыл его и наполнил две стопки.

– Ну, давай выпьем за твой приезд! – сказал он, протягивая одну Андрею. – А как там Леночка?

– В каком смысле – выпьем? – спросил Андрей, недоумённо глядя на стопку.

– Ах, да! – рассмеялся тот. – Я же забыл тебе сказать: у нас в городе недавно референдум был, так мы некоторые химические законы поотменяли! Из этого крана у меня теперь водка течёт – ровно 40 градусов, каждый день проверяю! Так что не бойся, продукт – первый сорт!

С минуту Андрей мрачно смотрел на него, затем поставил на стол стопку, взял стоявшую рядом граммов на триста кружку, наполнил её из-под крана, чокнулся с тестем и зал-

ПОМ ВЫПИЛ.

– Вот что, папа, – сказал он, жуя солёный огурчик, – поезда на Москву у вас тут часто останавливаются?

Консультант

...Нет, ну, надо же: во что планету превратили! Просто сумасшедший дом какой-то! Ох, попался бы мне этот Билл Гейтс... или кто там компьютер изобрёл? Как это: он здесь при чём? А при том: не изобрёл бы он компьютер – не сделали бы виртуализаторы, а значит, не хлынула бы в наш мир вся эта виртуальная братия! А то ведь до чего дошло: ночью по квартире всякие фредди крюгеры шарахаются, а днём... Я вот недавно над одним проектом работал – секретным, между прочим! – только закончил, высказивают из-за спины два ваших Джеймса Бонда: один который Шон О’Коннори, второй – который Роджер Мур; и давай мой проектик с фотоаппаратов щёлкать! Это уж я потом узнал, что опять Виртуальные в районе Анкары прорыв устроили... А кому жаловаться? Премьеру вашему? Так он скажет: «А я здесь при чём? Обратитесь к Флемингу»! Вот так-то...

Из интервью русского учёного британскому телевидению.

Угораздила же меня нелёгкая выбрать эту работу! Нормальные люди работают с 9–ти до 6–ти да ещё с перерывом на обед. Меня могут вызвать в любое время суток. Хорошо, если просто для консультации по видеофону – хотя, если в два часа ночи, то тоже приятного мало, – а то ведь могут сказать: «В связи с высокой опасностью фигуранта необходимо ваше личное присутствие»! Ну, и дальше – по от-

работанной схеме: через пять минут звонок в дверь, потом вертолёт, джип, а в конце пешком... И ведь даже не пробурчишь: «Какого чёрта, сегодня не моя очередь»! Это в отделе кино сотрудников полно, а в отделе литературы я один: не читает народ книжки-то, давно уже не читает... Эх, знали бы авторы всех этих боевиков и детективов, какого джина они на свободу выпускают! Что характерно: прорывы Виртуальные устраивают часто, но ещё ни разу к нам не пролезла ни Красная Шапочка с пирожками для бабушки, ни Дон-Кихот, чтобы с ветряными мельницами сразиться... Зато Джек Потрошитель с Фантомасом у нас, похоже, уже прописались; а Терминаторов так вообще по три штуки сразу появляется. У ребят из отдела кино ещё круче: они уже и с Хищниками сражались, и с Чужими... Не сами, понятное дело. Мы, консультанты, боевых действий не ведём, наша задача – подсказать, какие у фигурантов слабые места, каким образом они будут действовать в такой-то ситуации и прочее. Хотя от опасности, конечно, и мы не застрахованы.

А началась вся эта беда, когда построили виртуализаторы. Сделали их для себя, чтобы попадать в Виртуальность, и, конечно, потом возвращаться обратно. И никак не думали, что следом за своими кто-то посторонний может увязаться: ну, все эти литературные персонажи, киногерои... А оттуда как полезло! И всё супермены: чтобы одного такого победить, чуть ли не армия нужна. Поначалу совсем плохо получалось. Вот, скажем, был случай: прорвался оттуда Кощей Бессмерт-

ный, сколько реального народу положил – жуть! Три дня его завалить не могли, а ведь чего только ни пробовали: и напалмом жгли, и танками давили, ракетами с самолётов расстреливали – а ему всё нипочём! Наконец, кто-то из России позвонил и сказал: бесполезно, мол, ребята, его по-другому гасить нужно. Полезли тогда спецназы в Виртуальность, разыскали этот самый дуб, решили проблемы с зайцем и селезнем, заполучили яйцо, вытащили иголку, сломали её – конец Коше! Вот после этого-то и стали по всему миру искать консультантов для борьбы с Виртуалами. А их не так-то уж и много оказалось. Конечно, когда кто-то из Мира Компьютерных Игр пролезает, тут вся страна компетентно советует, из какого оружия и куда в него лупить надо. А вот знатоков по кинофильмам – особенно, старым, – довольно мало осталось. Про литературу я вообще молчу. Вот и вертимся мы, как на сковородке: везде поспеть нужно. На зарплату, разумеется, не жалуемся. А что толку? Вот лично мне она зачем? Кручусь сутками напролёт, ем, что попало и на ходу, сплю урывками... Когда раздаётся зуммер видеофона, меня охватывает непреодолимое желание: сорваться с места и бежать, всё равно куда, лишь бы быстрее и не оборачиваясь... Во, пожалуйста, звенит! Как говорится, стоит помянуть чёрта – и он тут как тут. Впрочем, судя по изображению на экране, это всё-таки не чёрт, а мой шеф Алекс Добсон. Хотя что-то общее у них, безусловно, есть.

– Слушаю, Алекс, что на этот раз?

– Привет, Дэн, – голос шефа звучал заискивающе, а глаза бегали по сторонам, и я обречённо понял, что придётся куда-то ехать, – тут позвонили из Брайтона, парень какой-то появился, судя по всему – явный Виртуал...

– Что за парень, опиши.

– Высокий, худющий, глаза лихорадочно блестят; одет в какие-то обноски: длинное пальто, а под ним, скорее всего, какое-то оружие, он его левой рукой прижимает, – как-то уж очень уверенно стал перечислять шеф. – Наши его пока не трогали: может, у него там автомат, а вокруг народу полно.

Я почувствовал облегчение.

– А на голове у него что? Какая-то дурацкая шляпа?

– Точно! – с восхищением глянул на меня Алекс. – Ты его вычислил?

– Ерунда, – совсем расслабился я. – Это Раскольников из романа Достоевского. Под пальто у него никакой не автомат, а просто топор, так что можете спокойно его брать. И вообще он – человек не агрессивный. Главное, к старушкам не подпускать, а больше он никого не тронет.

И я, вопросительно взглянув на шефа, потянулся к кнопке отбоя.

– Подожди, Дэн, – торопливо сказал он, – про Раскольникова это я так, чтобы разговор начать. Его мы уже взяли: ребята из отдела кино идентифицировали. Правда, возились намного дольше, чем ты... Я ведь знаю, что ты только

что вернулся из Атлантики после этого дела с пиратами, вот и неловко мне тебя дёргать. Да только, Дэн, ничего не поделаешь: какой-то суперопасный тип объявился. На транспорт набросился: два скоростных состава под откос пустил, кучу машин искорёжил... Вооружён серьёзно, а что за штука – не поймёшь: лучом стреляет, что-то вроде лазера. И сам полностью неуязвим, мы уже многое пробовали. Киношники дружно клянутся, что это по твоей части.

– Серьёзный мужик, – согласился я. – А одет во что?

– Тут вообще анекдот, – хохотнул шеф, – из одежды на нём только шляпа, чёрные очки и лакированные полуботинки.

Я испустил вопль отчаяния и обречённо уселся в кресло.

– Плохо дело, Алекс, действительно плохо... Это кто-то из интернет-писателей постарался. А их знаешь сколько? Миллионы! По тыще штук на каждого читателя! Вот и попробуй определить, кто это из них его сотворил.

– Ты уверен? Ну, насчёт интернет-писателей?

– Сто процентов, – горько вздохнув, сказал я. – Это я сужу по тому, как он одет. Ведь в Интернет свои произведения прут все, кому не лень на клавиши нажимать. А литературным талантом Бог обидел. Вот и получается у них что-нибудь вроде: «В комнату вошёл человек в шляпе и жёлтых ботинках...». Об этом ещё Стругацкие писали...

– Это у которых «Сталкер»? – свою работу в Бюро шеф начинал в качестве сотрудника отдела кино, поэтому о твор-

честве многих писателей мог судить только по экранизациям. – И всё равно я не понял, почему плохо, что это кто-то из интернет-писателей.

– А потому, что какими-то более-менее научными обоснованиями они себя тоже не утруждают. Напишут, что герой неуязвим – и баста! Вот и попробуй его уязвить... Пули от него, наверное, отскакивают? – спросил я и, увидев утвердительный кивок шефа, уверенно сказал: – Ясно, поле какое-то! Очень модный приём. А вот какое именно – этого и сам автор не знает! И как прикажешь с ним бороться?

– Слушай, Дэн, – встревоженно сказал шеф, – надо тебе на место ехать. Всё равно лучше тебя здесь никто не справится, может, сообразишь что-то, подскажешь... В общем, собирайся и выходи, я уже у твоего подъезда.

– Где хоть он? – спросил я и, узнав, что всего-то километрах в пятидесяти, мрачно подумал, что хотя бы в этом повезло.

По дороге в машине шефа я просмотрел видеоматериал, но это мне ничего не дало: парня было видно очень плохо, а то, что от него всё отскакивает, я уже от Алекса слышал. Всё же какая-то надежда на благополучный исход была: меня не оставляло ощущение, что где-то я с подобным уже встречался.

За Стоктоном мы свернули в лесок и минут через пятнадцать были на месте событий. Признаться, расположился парень для выполнения своих замыслов очень удачно: на по-

лянке между шоссе и железной дорогой. Хоть там круши, хоть здесь... Спецназы, правда, взяли его в кольцо, но его это, похоже, мало волновало. Он откровенно издевался над ними, хохоча по поводу каждого их выстрела, и выкрикивал, очевидно, что-то обидное. Слов из-за дальности расстояния слышно не было.

Пригибаясь, я продвинулся поближе и лёг в траву рядом с гранатомётчиком – дальше меня не пустили. Отсюда, по крайней мере, я уже слышал реплики фигуранта и стал внимательно к нему прислушиваться и приглядываться.

Последние сомнения в том, что это – дитя интернет-творчества, исчезли, когда я услышал, что изъясняется он на так называемом интернет-албанском; языке, придуманном малограмотными людьми для сокрытия собственной безграмотности: я, мол, ошибки нарочно делаю, а вовсе не оттого, что не знаю, как правильно.

– Ишо разок! – гоготал он в ответ на автоматную очередь, простучавшую ему по плечам, – у миня тут чисалозь! Тока сам не высовывайси: уложу всех!

При этих словах меня, как по голове стукнуло: осенила догадка, и очень неприятная, которую следовало немедленно проверить.

– Слушай, – попросил я гранатомётчика, – влепи-ка ему в правое колено.

– А что толку? – мрачно сказал он. – Хоть в левый глаз: от него всё отскакивает.

– Давай, давай, – торопливо сказал я, – делай, что говорят!

Гранатомётчик недовольно пробурчал что-то невнятное, прицелился и выстрелил. Он знал своё дело: граната разорвалась именно там, где я и хотел. Парень почесал коленку.

– Шо удумал, гад! – плаксивым голосом сказал он. – Миня как рас здесь вчира кошка поцарапала, знаишь, как больно было!

Всё стало ясно. Я выругался, поднялся во весь рост и пошёл назад, не обращая на супермена внимания.

– Дэн, ты что? – бросился ко мне испуганный шеф. – Он же тебя...

– Вертолёт у тебя есть? – перебил я его. – Отправь меня домой.

– Слушай, – просительно сказал он, – неужели так плохо? Ну, попробуй ещё!

– Нечего и думать, я его знаю. Поэтому и домой мне срочно нужно, – я отвёл глаза в сторону. – Это *мой* герой, Алекс, я его придумал.

– Ты? – изумился шеф.

– Ну, да, – мрачно подтвердил я. – Я до работы в Бюро тоже интернет-писательством баловался. Вот и сотворил однажды это чудо. Джон-Уложу-Всех – вот как его зовут. Идиотское произведение вышло. Я всего главы три написал и в Инет выложил: мол, почитайте, ребята, и напишите мне, как получилось. Да только не ответил никто: сразу ясно было, что не литература это, а полный маразм, бред шизофре-

ника. Вот и бросил я всё это, а потом и забыл.

– Ну, спасибо тебе, Дэн! – покачал головой шеф. – Удружил! Ты хоть скажи, как его одолеть можно, пока он ещё чего-нибудь не натворил?

Я безнадёжно махнул рукой.

– Ничего вы ним не сделаете, хоть ядерной бомбой глушите. Выход один: я должен разыскать этот свой рассказ и продолжить. Придумаю ему какую-нибудь ахиллесову пяту и сообщу вам, как с ним справиться.

– Так не тяни! – проорал шеф и втолкнул меня в свою машину. – Вертолёт в километре отсюда, поехали!

Добравшись до своей квартиры, я сначала включил компьютер и только потом стал раздеваться. Плохо было то, что я не помнил, на какой именно сайт выложил этот рассказ. После получасового лихорадочного шныряния я сумел-таки его обнаружить.

Бр-р, ну, и названьице: «Кровавая резня в Уордшире»! Я покраснел, вышел на последнюю страницу и задумался. Что бы с ним такое сотворить?

Наконец, меня осенило. С давно забытым чувством вдохновения я отстучал страниц десять и до того увлёкся, что позабыл, для чего я, собственно, это делаю. Вспомнив, я с сожалением оторвался от продолжения романа, который, как мне показалось, сейчас стал получаться вовсе не плохо, и вызвал шефа.

– Готово, – сказал я. – У него в оружии заряд кончился

и по полю защиты пошла какая-то непонятная трещина. Сейчас оно развалится, так что можете брать его голыми руками.

— Замечательно! — обрадовался шеф и тут же отдал какие-то приказания; затем, убедившись, что рядом никого нет, подмигнул мне: — Дэн, никто и знать не будет, что это был твой герой. Так что подъезжай за премиальными. Давай махнём куда-нибудь, отметим это дело?

— В другой раз, Алекс, — помотал головой я. — У меня тут одно дельце появилось. Спасибо за то, что никому не сказал!

И, не обращая внимания на его недовольное лицо, отключился.

Воровато оглянувшись по сторонам, я вновь уселся за компьютер. «Кровавая резня в Уордшире» напомнила мне ещё об одном своём рассказе, с которым тоже нужно было срочно что-то делать. Там у меня инопланетянин собирался в одиночку завоевать Землю и, судя по невероятному количеству всякого супероружия, которое было у него на борту, вполне мог это сделать. «Наглое порабощение Земли» я отыскал быстро, освежил в памяти сюжет. Прочитав последние строки, я посидел немного, затем злорадно ухмыльнулся и наградил своего героя агорафобией — боязнью открытого пространства. Вот уж с такой-то бедой он за пределы Виртуальности никак не высунется!

Летят!

Вагон электрички был абсолютно пуст, и это очень обрадовало Потапова: целых тридцать пять минут он будет один и не услышит никаких дурацких разговоров попутчиков. Однако в этот самый момент сзади него послышался стук открывшейся и затем закрывшейся двери, и он обречённо подумал: «Ну вот»! Он пошёл в середину вагона, надеясь, что вошедший сядет где-нибудь у двери, и одновременно понимая, что надежды его напрасны. Так оно и вышло. Едва усевшись, Потапов увидел, что вошедший – мужчина лет сорока – явно намеривается занять место рядом с ним.

– Ну, – сказал тот, не успев ещё и сесть-то как следует, – что вы об этом думаете?

– О чём? – спросил Потапов. Он знал, о чём.

Глаза мужчины расширились до невероятных пределов.

– Как? – ошеломлённо и в то же время радостно спросил он. – Вы ничего не слышали?

– Слышал, слышал, – поспешно сказал Потапов. Не хватало ещё, чтобы ему опять начали об этом рассказывать.

По лицу мужчины проскользнуло выражение сожаления или даже, пожалуй, глубокого разочарования. Однако, он быстро с этим справился: желание обсудить сногшибательную новость было сильнее переживания об утраченной возможности сообщить о ней тому, кто ещё ничего не знает.

– Нет, надо же! – возбуждённо воскликнул он. – Представляете: летят! Никогда не думал, что доживу до такого дня! Ведь сколько раньше было разговоров о всяких летающих тарелках, и никто никогда не верил! И вот – пожалуйста! Не какие-то слухи, всякие там сомнительные свидетельства, а строгий реальный факт! Здорово, правда?

Потапов неохотно кивнул. Ажиотаж вокруг Пришельцев его раздражал. Сообщение о том, что всеми обсерваториями Земли обнаружен космический корабль внеземного происхождения, с невероятной скоростью приближающийся к нашей планете, передали рано утром по всем каналам телевидения и радиостанциям. Потапов этого не слышал: как раз в это время он ехал в электричке из посёлка, где жил, в город, где находилось энергоуправление, в котором он работал. Придя на место, он долго не мог понять, в чём дело. К работе никто и не приступал, все возбуждённо о чём-то разговаривали. Когда выяснилось, что он не в курсе, все наперебой принялись излагать ему суть дела, чем окончательно запутали. Потапов никак не мог поверить, что это они серьёзно. Однако, когда прошло два часа, а тема разговоров не менялась, он понял, что всё действительно так. Он попробовал, было, работать, но в отделе стоял такой невероятный гвалт, что нечего было об этом и думать. А когда живший поблизости Сашка Румянцев под аплодисменты и восторженные крики сотрудников внёс в отдел свой личный домашний телевизор, стало ясно, что работать никто и не собирается.

Начальник отдела Лаврентьич, правда, сделал несколько попыток вернуть своих подчинённых к выполнению трудовых обязанностей, но это вызвало у народа настоящий шок и бурю негодования. Когда Лаврентьич спросил Румянцева, готов ли у него квартальный отчёт, тому понадобилось минуты две, чтобы понять, о чём его спрашивают, и ещё пять минут ушло на то, чтобы вспомнить, что такое квартальный отчёт. В конце концов, Лаврентьичу удалось разогнать сотрудников по рабочим местам, сделав коллективу одну уступку: он пообещал не выключать телевизор. Этот последний факт ставил под сомнение даже само понятие о производительности труда, но Лаврентьич решил удовольствоваться тем, что все, хотя бы, сидят за своими столами, резонно рассудив, что большего ему всё равно не добиться.

Потапов был единственным в отделе, кто стал заниматься прямыми обязанностями. Удалось это не без труда, но он надел наушники, включил Player, и мелодичные песни Beatles, повествующие о вечных, а, главное, понятных человеческих проблемах, заглушили постоянные ахи и охи телевизионных ведущих и корреспондентов. Он и сам не понимал, почему его раздражает всё это; потом с неудовольствием подумал, что причина, скорее всего в том, что он узнал обо всём последним и выглядел довольно глупо, когда остальные снисходительно ему рассказывали. Вот и решил сделать вид, что не находит здесь ничего, достойного внимания.

С работы он уходил тоже последним и в положенное

по трудовому законодательству время. Ему пришлось сдавать ключ от отдела, и дежурная тётя Маша очень удивилась, увидев его: все сотрудники разошлись сразу после обеда. Вместе с ней в дежурке сидел её сожитель. Они пили водку, и как раз в тот момент, когда Потапов подошёл, сожитель провозглашал тост. «За прилёт!» – сказал он. «За прилёт!» – согласилась тётя Маша, и они выпили.

В этом месте попутчик Потапова по электричке прервал его воспоминания.

– Как вы думаете, похожи они на нас? – спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Наверняка похожи! А интересно, кто летит: одни мужики, или бабы тоже есть? Красивые, наверное!

Чувствовалось, что этот вопрос его волнует особенно. Весь дальнейший путь Потапова до родной станции пролегал под рассуждения и предположения мужчины о внешности инопланетных женщин, ну, и иногда, в качестве лирических отступлений, о цели Визита.

На станции Потапов выскочил из вагона, как ошпаренный, стараясь не слушать несущихся ему вдогонку предположений о способах размножения инопланетян.

Возле дома его встретила соседка тётя Настя. Взглянув на его пустые руки, она обескураженно спросила:

– Юрий Дмитрич, а вы разве газет из города никаких не привезли? Там уже, наверное, и фотографии их есть!

– Да какие там фотографии: летят они ещё, летят! – про-

орал Потапов и, хлопнув калиткой, вбежал в сени.

Разогревая ужин, он включил телевизор, надеясь посмотреть детективный сериал. Но, как и следовало ожидать, все объявленные в программе передачи были отменены, и по всем каналам только и делали, что говорили об инопланетянах. А поскольку информации не было никакой и взять её было негде, то телевизионщики довольствовались тем, что расспрашивали на улицах прохожих. Их ответы мало чем отличались от предположений мужчины из электрички. По первому каналу, правда, как всегда в подобных случаях, показывали балет «Лебединое озеро», но и его смотреть было невозможно, так как показ регулярно прерывали, чтобы дать возможность очередному учёному высказать свою точку зрения. Послушав, Потапов понял, что учёные знают не больше, чем люди на улицах, и выключил телевизор.

Пужинав в полной тишине, он решил, что лучше всего будет пойти к Вере. Вера была его невестой и работала в посёлке учительницей и одновременно директором начальной школы. Конечно, она тоже наверняка будет говорить об этом, но он надеялся, что, в конце концов, сумеет убедить её, что есть гораздо более интересные темы и занятия.

Однако, мать Веры сказала, что дочери нет дома: вместе со всеми учениками она пошла на луг – тот, который возле водокачки. Потапов этому очень обрадовался. Дети, скорее всего, собирают какие-нибудь гербарии, и мысль неспешно провести время на природе, рвать вместе с ними и с Верой

цветы и листочки, ему понравилась.

Подходя к лугу, он издали увидел, что дети и в самом деле что-то собирают и стаскивают в кучи, но на гербарии это не было похоже, скорее всего, это были ветки и сучья деревьев. Так оно и оказалось. И ещё он увидел, что Веры с ними не было. Их отношения для детей секретом не были, и поэтому они, только заметив Потапова, стали ему что-то кричать и указывать вверх на площадку водокачки. Присмотревшись, он увидел там Веру и стал подниматься к ней.

– Привет, – сказала она, целуя Потапова, – ты уже слышал, конечно?

Потапов недовольно поморщился.

– Что это вы делаете? – спросил он, желая сменить тему.

Но тема, как оказалось, сменяться не желала.

– Мы с ребятами решили сделать посадочную площадку, – весело сказала Вера, – вот выкладываем приветственную надпись из костров. Когда мы их зажжём, они смогут прочитать «Добро пожаловать к нам»! Надпись, конечно, на английском языке, – поспешно добавила она, видимо, не сомневаясь, что английский-то язык Пришельцы знают, – правда, мы здорово придумали?

Он промолчал, и, не зная, что и сказать, стал всматриваться вниз и машинально указал на орфографические ошибки в слове «Welcome». Вера охнула и, сразу забыв про Потапова, начала кричать детям. Те, повинувшись её указаниям, стали перетаскивать кучи, убирая лишнюю «l» и переделывая

«к» в «с». Потапов некоторое время за ними наблюдал, потом сказал Вере, что, пожалуй, пойдёт домой. Вера, продолжая руководить, на секунду повернулась к нему, торопливо сказала: «Ну ладно, пока!» и снова стала кричать. Потапов ушёл.

Вернувшись домой, он дёрнулся, было, к телевизору, но, вспомнив, махнул рукой и решил заняться написанием доклада, с которым должен выступить в пятницу на профсоюзном собрании перед родным коллективом. Он с настроением и даже насвистывая, прибрался на столе, обложился заранее заготовленными шпаргалками и принялся за дело. Однако уже через десять минут он с неудовольствием почувствовал, что на фоне происходящих событий даже его смелая критика Лаврентьича, зажимающего свободы и права подчинённых, выглядит немного мелко. Потапов вздохнул и подумал, что, пожалуй, не стоит так игнорировать инопланетян: всё-таки люди летят издалека, наверняка устали и пока, по крайней мере, такого отношения к себе со стороны Потапова ничем не заслужили.

Он снова включил телевизор, и, как оказалось, очень вовремя: как раз началась трансляция заседания Чрезвычайной Ассамблеи ООН. В этот момент зачитывали обращение кубинского лидера Фиделя Кастро ко всем прогрессивным силам человечества. Он призывал сплотиться перед лицом инопланетной опасности, упоминал Плайя-Хирон и Залив Свиней и со своей стороны обещал, что всё население Кубы,

как один человек, готово с оружием в руках защищать завоевания социализма.

Но он оказался в полном одиночестве. Представители всех других государств проявили редкое единодушие в оценке и анализе предстоящего Контакта. Выступающие говорили, что ни о каком вторжении не может быть и речи: ведь космический корабль всего один. Представитель Соединённого Королевства пояснил, что поскольку летят они не с Венеры, не с Марса, а Бог знает, из какой Галактики, то понятно, что уровень их цивилизации превышает земной не на одну сотню порядков. Следовательно, летят они с одной целью: обогатить Землю всеми теми знаниями и умениями, которые они у себя выработали. При этих словах Объединённые Нации радостно зашумели: обогатиться, пусть даже и просто знаниями, хотелось всем. Но поскольку никто толком не знал, что это будут за знания и как и для чего ими пользоваться, решено было этот вопрос пока не обсуждать, а продумать, как достойно подготовиться к встрече инопланетян. С этой целью было принято совместное обращение к правительствам Земли: как следует почистить, помыть территории государств, но особое внимание, конечно, обратить на внешний вид их граждан. Зачитывая последние слова, Генеральный секретарь ООН сделал многозначительную паузу и внимательно посмотрел на представителей некоторых африканских государств.

Сразу же после этого без перерыва началась прямая транс-

ляция заседания Государственной Думы России. Но наши депутаты понимали в происходящем ещё хуже международных. Все они мямлили что-то непонятное, и только депутат Жириновский внятно заявил, что ничуть не сомневается, что инопланетяне в первую очередь потребуют от народа России избрать его (Жириновского) его (народа России) президентом, и, подумав (что для него не свойственно), добавил, что Чубайса они, конечно же, сразу будут судить. Здесь Потапов подумал, что на сегодня, пожалуй, хватит, выключил телевизор и лёг спать.

Утром он долго размышлял, стоит ли сегодня, в свете происходящих событий, ехать на работу, но потом всё-таки решил, что стоит. Так же, как он, решила примерно треть сотрудников энергоуправления, и поэтому Лаврентьич, за неимением кого-либо ещё, опять орал на Румянцева, требуя, чтобы тот сдал, наконец, квартальный отчёт. Румянцев, который сегодня уже сразу пришёл на работу с телевизором, убеждал его, что квартальный отчёт теперь не нужен, так как энергоуправление всё равно скоро закроют. В качестве доказательства он предлагал Лаврентьичу посмотреть репортаж с Нью-Йоркской биржи. А там и действительно творилось что-то невообразимое. Цены на нефть упали практически до нуля, но даже такие акции никто не хотел покупать: все, кто не дурак, сообразили, что Пришельцы из такой дали летят явно не на бензине, не на керосине, у них есть какая-то неведомая чудо-энергия, и они, конечно же,

раскроют землянам секрет её получения, а, значит и нефть, и все другие виды энергии попросту не нужны. Закончился репортаж сообщением о закрытии всех бирж мира. Лаврентьич махнул рукой и уселся вместе со всеми смотреть телевизор.

Дальше было не менее интересно. Корреспондент из Голландии сообщил, что сегодня утром в здание Гаагского международного трибунала доставили связанного по рукам и ногам Осама Бен Ладена. Доставили его же сообщники, которые рассудили, что раз цены на нефть так жутко упали, то Осама теперь нищий, и потеряли к нему всякое уважение и интерес. Председатель международного трибунала сообщил многочисленным корреспондентам, что суд над террористом номер один пройдёт под почётным председательством Пришельцев.

Здесь Лаврентьич вздохнул и сказал, что раз оно всё так складывается, то и он не видит смысла в дальнейшем пребывании на работе и предложил всем отправляться по домам, а как оно будет дальше, дальше и будет видно. Народ это встретил с энтузиазмом, а Потапов подумал, что Лаврентьич вовсе не такой деспот, каким он хотел представить его в своём докладе.

Приехав обратно в посёлок, Потапов, прежде, чем идти домой, зашёл в поселковый совет и напомнил секретарше Ниночке, чтобы она напомнила начальству, что он (Потапов) всё ещё ждёт, когда, наконец, придёт водопроводчик и за-

менит лопнувшие трубы. Плату за воду я вношу регулярно, сказал он, так будьте любезны мне всё отремонтировать. Ничка удивлённо посмотрела на него и сказала:

– Какой вы нетерпеливый, Юрий Дмитриевич! Ну, подождите ещё немного: вот Пришельцы прилетят и всё вам отремонтируют!

Потапов понял, что ему ничего не остаётся кроме, как пойти домой.

У себя дома он обнаружил заплаканную Веру и стал спрашивать, что произошло. Вера, всхлипывая, рассказала, что сегодня никто из детей не пришёл в школу. Представляешь, Юра, говорила она, вообще ни один человек! Она пошла по домам и стала выяснять, в чём дело. Все – и родители, и дети – в один голос заявили, что не видят никакого смысла десять лет горбатиться за партой, если скоро прилетят инопланетяне и всему, чему надо, обучат за какой-нибудь час при помощи гипнопедии или чего-нибудь ещё. Родители, кроме того, усмехаясь, говорили, что неизвестно, понадобятся ли вообще те знания, которым учили до сих пор. А отец Коли Смирнова, в прошлом безнадёжный двоечник, даже заявил, что всегда чувствовал, что его учат не тому, чему надо, поэтому и не хотел заниматься. Утешая её, Потапов подумал, что в других городах и посёлках наверняка происходит то же самое.

Он сказал ей об этом. Вера сразу успокоилась и, чтобы совсем не сомневаться, предложила включить телевизор. По-

тапов, вздохнув, сказал, что, наверное, последние двое суток всё население мира кроме этого ничего и не делает, но спорить не стал.

По телевизору заканчивалась новостная программа — показывали криминальную хронику. Сюжет был весьма не обычным. Корреспондент из Санкт-Петербурга сообщил, что в этом городе состоялся съезд воров-домушников. Приглашённый им участник съезда — несомненно, видный специалист своего дела, снятый, в целях конспирации, с мерцающими квадратиками вместо лица, — доверительно пояснил, что основной вопрос, который рассматривался на съезде, был следующим: что именно сейчас воровать? Как оказалось, съезд очень серьёзно отнёсся к этому вопросу: в качестве консультантов были приглашены самые известные учёные-уфологи и писатели-фантасты. Все консультанты единодушно рекомендовали собравшимся не воровать телевизоры, видео— и аудиоаппаратуру и оргтехнику, так как уже через неделю всё это безнадёжно устареет. Они признавались, что в виду сложности вопроса не могут дать стопроцентных гарантий правильности своих рекомендаций, поэтому предлагали на первое время, впредь до выяснения ситуации, ограничить сферу профессиональных интересов участников съезда продуктами питания и одеждой.

То, что отечественные рыцари плаща и кинжала настроены довольно беспечно и не вникли в положение дел до конца, стало ясно из следующего сюжета. В другой криминальной

столице – Чикаго – прошёл международный форум организованной преступности. Собравшиеся на форум были все-рьёз обеспокоены слухами о том, что инопланетяне с ними быстро покончат. Высказывались мнения, что сделают они это для того, чтобы самим взять под контроль эту выгодную область человеческой деятельности. В атмосфере редкого единодушия и согласия на форуме было принято решение не поддаваться заезжим гастролёрам, а дать вооружённый отпор, объединившись для этого с революционными силами Фиделя Кастро.

Потапов переключил канал, и они с Верой узнали, что Государственная Дума России объявила каникулы. Спикер Госдумы в интервью телевидению пояснил, что сделано это, конечно, не потому, что депутаты не хотят работать. Просто разработка законопроектов – очень сложная вещь, а они не боги, чтобы суметь предусмотреть все нюансы. У инопланетян наверняка все законы отточены до тонкостей, поэтому нечего пытаться прыгнуть выше головы, а надо всё у них переписать.

Из международных дипломатических новостей одна оказалась поистине сенсационной. Было оглашено совместное заявление МИД России и Японии, в котором сообщалось, что оба государства согласны передать спорный вопрос о принадлежности четырёх островов Курильской гряды на рассмотрение Пришельцам. Обе стороны гарантировали, что безоговорочно согласятся с их решением, в чью бы поль-

зу оно ни было. После этого президент России сказал, что раз уж вопрос всё равно будет решён, то и нет смысла дальше тянуть с заключением мирного договора. Премьер Японии быстро ухватился за это предложение, и договор тут же был подписан.

Это событие получило настолько сильный политический резонанс, что на его фоне практически не заметным осталось сообщение о референдуме в Калининградской области, на котором жители высказались за то, чтобы включить их область в состав планеты Пришельцев, как бы она ни называлась и где бы ни находилась. В отдельном комментарии губернатор пояснил, что они настолько привыкли чувствовать себя оторванными от основной территории, что расстояние в несколько световых лет их абсолютно не пугает. Он также выразил уверенность, что Пришельцы, по крайней мере, не будут заставлять их оформлять визу на каждую поездку за пределы области.

После этого пошли новости рангом помельче, и Потапов не без удовольствия указал Вере на то, что был прав: нигде не работало ни одно предприятие, ни одно учебное заведение. На полную катушку работали только теле- и радиокорреспонденты, да неслыханный подъём наблюдался в шоу-бизнесе: было объявлено, что в честь прибытия Пришельцев состоится большой мировой гала-концерт, и поэтому композиторы, музыканты, актёры, танцоры и певцы стали срочно готовить номера для участия в конкурсе Интервидения,

на котором и решится, кто именно в этом гала-концерте выступит.

Закончились передачи репортажем из Центра полётов, где сообщили, что расчётный день прибытия Пришельцев – послезавтра.

Потапов обрадовался, что, наконец, можно заняться обычными человеческими делами, и предложил Вере остаться у него. Но Вера сказала, что боится, что Пришельцы могут посмотреть на это неодобрительно – ведь официально они не женаты – и ушла домой. Потапов вздохнул и лёг спать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.